

Искорка 11
1975

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

НОЯБРЬ ● 1975

год издания XIX

Вольт СУСЛОВ

ТРИ ПУЛИ

*Подвигу комиссара гражданской войны
Николая Гурьевича ТОЛМАЧЕВА*

Враги, укрываясь в тумане,
Готовят последний удар.
Три пули осталось в нагане.
Три пули...

Держись, комиссар!
Сочится недавняя рана,
В глазах проплывают круги,
Уже не подняться...

Но рано

Но рано ликуют враги.
Ты помнишь:

уральские степи

И точно такой же туман...
В атаку на красные цепи
Ведёт беляков атаман.
Они наступают лавиной,
А ты — в обороне, в снегу
С Четвёртой Уральской дружиной,
Пути преградившей врагу.
Сжимают уверенно пальцы
Гранаты холодный металл:
— В атаку!

В атаку, уральцы!

За нами свободный Урал! —
И силы утроились будто:
Бежит за далёкий курган
Его недобительство Дутов,
Казачьих полков атаман.
...Штыки за кустами сверкнули,
Как будто идут косари.
Осталось в нагане три пули.
Три пули...
Последние три.

И ротный, который из бывших,
 Казавшийся верным вчера,
 Сегодня лепечет чуть слышно:
 — Сдаваться... Сдаваться пора!..—
 Он руки дрожащие тянет...
 И белая тряпка видна...
 Три пули...
 Три пули в нагане.
 Предателю первая —
 На!
 Держись, комиссар!
 За тобою
 Стеною встаёт Петроград.
 Ты сам призывал его к бою:
 — Ни шагу,
 ни шагу назад! —
 Пусть жить тебе самую малость —
 Тускнеет в тумане заря —
 Нельзя, чтобы белым досталась
 Свобода и свет Октября.
 Готовясь к последнему бою,
 Вся юность сегодня с тобой:
 Подполье твоё боевое
 И твой Политехник родной,
 Редакция «Правды»,
 Листовки,
 Маёвки под шелест берёз...
 Всё правильно:
 без остановки
 В коммуны летит паровоз!
 Пускай окружён ты врагами,
 Но можно поспорить ещё:
 Две пули осталось в нагане,
 Держись, комиссар Толмачёв!
 Враги окруженье сомкнули.
 — Сдавайся! — кричат на бегу.
 Две пули осталось.

Две пули...
 Пошли-ка одну по врагу!
 ...Метёт тополиною вьюгой,
 Шуршит камышами река.
 Над маленьким городом Лугой
 Плывут в вышине облака.
 Наверное, там и не знают,
 Что рядом — рукою подать! —
 Бойцы на заре погибают...
 А так нелегко погибать!
 Сливаются пламя восхода
 И жаркого боя пожар...
 Всего тебе двадцать три года,
 Гражданской войны комиссар!
 Враги, твою жизнь карауля,
 Со всех подползают сторон.
 Осталась последняя пуля.
 Точнее — последний патрон.
 Кричат петухи за деревней.
 Над озером — свет голубой.
 А сердце:

— Последний...
 Последний...
 Последний...
 Решительный...
 Бой...

Держись, комиссар!
 Будь спокоен:
 Не пустят врага в Петроград.
 А ты, его рыцарь и воин,
 Вернёшься бессмертным назад.
 Мы, внуки, завидовать станем
 Твоей легендарной судьбе...
 Последняя пуля в нагане.
 Последняя пуля — себе.

Рис. Г. Моисеевой

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ

(К 40-летию первого совещания стахановцев)

РАЗБИРАЯ свой редакционный архив, я обнаружил неизвестно как оказавшийся у меня довоенный снимок: группа деткоров «Ленинских искр», и среди них — одна из первых стахановок города Ленина Варвара Сергеевна Гладкова.

Где сейчас Варвара Сергеевна? Работает или уже на пенсии?

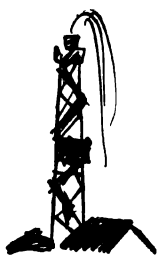
— Конечно, на пенсии,— говорит начальник цеха завода «Севкабель» В. Н. Козлов.— Ведь она родилась ещё в прошлом веке, в 1899 году. Адрес её у нас есть!

И вот я на проспекте Ветеранов, в небольшой уютной квартире.

— Расскажите, Варвара Сергеевна, как вы стали стахановкой?

— С тех пор сорок лет прошло. Работала я тогда на изолировочном станке. Норму, конечно, перевыполняла. И вдруг заболела одна работница. Я и подумала: а не попробовать ли работать на двух станках? Было это в начале октября тридцать пятого года, когда о рекорде Алексея Стаханова говорила уже вся страна. Посоветовалась с мастером, бригадиром и стала обслуживать два станка. Сразу установила рекорд: выполнила за смену без малого две нормы!

А потом,—продолжает свой рассказ Варвара Сергеевна,—произошло событие, которое никогда не забуду. Двадцать первого октября меня вместе с небольшой группой стахановцев Ленинграда пригласили в Смольный к руководителю ленинградских большевиков А. А. Жданову. С каждым Андреем Александрович побеседовал, а у меня спросил: «Вы остановитесь на своём рекорде?» — «Нет!» — твёрдо ответила я.

Слово сдержала: давала по две с половиной нормы в смену!

Оценили мой труд. С четырнадцатого ноября тридцать пятого года вместе с другими передовиками производства я была делегатом на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. А в декабре того же года снова была в Москве. На этот раз делегатом Восьмого Чрезвычайного съезда Советов. Потом в награду мне дали орден Трудового Красного Знамени. Сам всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин вручал в своём кабинете.

О героях первых пятилеток А. А. Жданов сказал: «Стахановцы — это настоящие большевики производства... Стахановцы являются лучшими друзьями и помощниками нашей партии».

В их числе и ветеран завода «Севкабель» персональный пенсионер Варвара Сергеевна Гладкова.

Н. САДОВЫЙ, журналист,
стахановец 30-х годов

Ш И Ф Р «7»

Яковлев поднялся ни свет ни заря.

Умываясь, долго тёр щёткой руки. Пробовал отмыть въевшуюся в поры металлическую пыль. Да где там! Разве ж её отмоешь!

Иван посмотрел на покрасневшие от щётки руки. Вздыхнул. Потом достал новую, с пояском, рубаху. Приделся. Причесался гребешком перед

зеркалом. Как-никак он шёл в гости к учёному человеку.

— Смотри, Ваня, не ударь в грязь лицом, — предупредили его. — Идешь к интеллигенту.

День был сухой, безветренный. До назначенного часа оставалась ещё уйма времени.

«Пройдусь пешком», — решил Яковлев, выйдя на улицу, и подумал, что если за ним се-

годня увяжется филер, бедняге придётся топать почти через весь город. Оторваться от шпики будет нетрудно. Путь лежал мимо Сенного рынка. А на рынке в толпе, да ещё в воскресный день, уйти от слежки не составит труда.

Иван повеселел. Наконец-то он проучит этого шпики. Вот уже два выходных сыщик упорно, как привязанный незримой нитью, всюду ходил за Яковлевым.

Шпик был уже немолодой. Однажды Иван нарочно круто повернул и пошёл ему навстречу. Филер растерялся, торопливо отвернул лицо, будто был совсем ни при чём. А когда Яковлев потом оглянулся, — опять плёлся следом.

«Ну, сегодня ты у меня маршируешь», — засмеялся Иван.

Однако шпики пока нигде не было видно. Яковлеву даже стало немного обидно.

Блеснула полоской студёной воды Нева. Вот и Николаевский мост. Яковлев услышал шарканье сотен ног. На мосту со стороны Зимнего появились солдаты.

Яковлев подошёл ближе и увидел лица солдат.

Лица были хмурые. Примкнутые к винтовкам штыки колыхались, колко посверкивали... Иван поёжился.

«Наверное, где-нибудь на Петербургской стороне бастуют», — подумал он.

Солдаты прошли. Шаги их затихли. На мосту остался один городской и редкие прохожие.

Яковлев медленно дошёл до середины моста и остановился; сделав вид, что смотрит вниз, на воду. Хотел убедиться, нет ли всё-таки за ним «хвоста».

Удивительное дело — сегодня «хвоста» не было!

Иван неторопливо отправился дальше.

Пройдя половину пути, Яковлев вдруг забеспокоился, сможет ли он выполнить поручение товарищей. Поручено же ему было ни много ни мало — ходить по воскресеньям к человеку по имени Фёдор Петрович. Этот Фёдор Петрович должен был заниматься с ним, рабочим Яковлевым, революционной наукой, марксизмом.

Иван стал вспоминать молодых людей, которые приходили в их рабочий кружок. Все они одевались под рабочих, а сами были студентами, либо учителями, или ещё кем. Он этого не знал, да и не спрашивал. Только удивлялся, что говорили они все о разном и по-разному.

Одни звали рабочих уходить с фабрик и заводов в деревню.

— Вот вам освобождение от капиталистов! — утверждали они.

«Хорошенькое дело, в деревню, — соображал Иван. — А что я стану делать в деревне? У меня же нет ни земли, ни избы, ни коня с сохой. Всё равно придётся в работники наниматься. Не к городскому богатею, так к сельскому.

К кулаку. Вот и выходит, что хрен редьки не слаще».

Другие учили находить общий язык с ховяином.

— Вы для хозяина хорошо, и он для вас порадеет, как родной отец!

«Порадеет, как же,— усмехался Яковлев.— Я что-то не слыхал про таких хозяев. Какой капиталист свой интерес упустит, чтобы рабочему грош прибавить?»

Приходили в кружок ещё ораторы. Ругали первых и вторых. Призывали свергнуть царя. Начинать революцию.

Горячо говорили. И вроде бы правильно. Только поразмыслив, Яковлев на другой день сомневался.

— А хватит ли сил сейчас начинать революцию? — говорил он товарищам.— У нас кружок, да ещё кружок, да ещё несколько кружков наберётся на разных заводах...

А у царя — сила. Казаки... Нет, пока рабочие вместе не объединятся, нельзя начинать революцию...

Обо всём этом Яковлев много размышлял. Хотел было как-то спросить про свои думы у одного из ораторов, да постеснялся. Уж больно гордо держался этот интеллигент!

«Засмеёт ещё, — подумал тогда Иван. — Начнёт вышучивать... Куда уж нам...»

Однако рабочие заметили склонность Яковлева к размышлениям, привычку его подробно обдумывать каждое слово. И решили — пошлём нашего Ваню учиться революционной науке.

Яковлев шёл не спеша. Времени у него ещё было много. Руки Иван держал в карманах длинного осеннего пальто. В правом кармане у него нарочно была проткнута небольшая дырка. А ниже, в глубине, втиснутый в самый уголок, лежал маленький бумажный шарик с адресом. При случае этот бумажный катышек легко вытолкнуть в дырку, наступить на него, втоптать в грязь.

К тому же адрес Фёдора Петровича всё равно был зашифрован. Чтобы определить номер квартиры и дома, надо знать ключ: число «7».

Это число следовало отнять от тех цифр, которые стояли на бумажке, тогда-то и получался настоящий адрес.

Конечно, Яковлев и так, без бумажки, помнил и улицу, и дом, и квартиру, но уничтожить катышек пока боялся.

Вдруг перепутает цифры и не найдёт Фёдора Петровича! А уж во второй раз его не пошлют.

Фёдор Петрович оказался невысоким рыжеватым молодым человеком. Почти лысым. Хотя Яковлев ни за что не дал бы ему и тридцати лет. «Нет, этот у нас ни разу не был», — первым делом отметил про себя Иван.

Когда хозяйка ввела гостя в маленькую комнатку, Фёдор Петрович сидел за столом и что-то быстро писал карандашом.

Молодой человек тотчас же, но как показалось Яковлеву, с некоторым сожалением оторвался от своей работы и вышел из-за стола.

— Располагайтесь, — сказал Фёдор Петрович и указал Яковлеву на старенький диван у стенки. — А я, если позволите, — он кивнул на свои бумаги, — буквально две минуты... Надо закончить мысль...

Ивана даже пот прошиб: ещё и разрешения у него просит!

— Пишите на здоровье, — сказал Яковлев. — Сколько потребуется...

Сильно смутился рабочий, что Фёдор Петрович спросил у него разрешения.

Молодой человек присел к столу и начал быстро-быстро писать. Сперва Яковлев смотрел, как Фёдор Петрович пишет, и даже чуть не засмеялся, когда тот, чтобы найти среди бумаг нужный листок, взял карандаш в зубы и держал его, как папиросу.

Потом Яковлев принялся разглядывать комнату.

Фёдор Петрович жил бедно. Узкая железная кровать, застеленная байковым одеялом. Стол, два стула. Этажерка с книгами...

«Студент, — подумал Иван.—Поди, досыта не ест...»

Ровно через две минуты, так, по крайней мере, показалось гостю, Фёдор Петрович перестал писать. Собрал листки, книги. Убрал их на этажерку и присел к Яковлеву на диван.

— Ну-с, теперь рассказывайте: кто вы и что вы?

— Мы слесари...— неуверенно начал Иван.— Работаем на Сименса.

— Как вы сказали? — воскликнул Фёдор Петрович. — На Сименса? Вот именно «на» Сименса, а не «у» Сименса... Это как раз то, что должен прежде всего твёрдо понять каждый рабочий... Продолжайте, пожалуйста. У вас правильный, марксистский подход к вопросу.

Яковлев снова смутился. Может быть, Фёдор Петрович смеётся над ним? Гость поднял лицо и посмотрел на сидящего рядом молодого человека. У него были тёмно-карие глаза, и они не смеялись. Смотрели внимательно, дружелюбно.

— Продолжайте, пожалуйста,— попросил Фёдор Петрович и дотронулся до плеча собеседника.

От этого дружелюбного прикосновения Яковлев почувствовал себя уверенней и стал

рассказывать о том, что казалось ему наиболее важным: как он работал на заводе керосиновых двигателей на Петербургской стороне и какой у него вышел скандал с хозяином.

— Затребовали меня однажды в контору,— рассказывал Иван.— Прихожу, смотрю, сидят мастер, управляющий и двое конторских. Так и так, говорят, Яковлев, надоели ты хозяину своими разговорами хуже горькой редьки. Больше у нас не работаешь. Получи расчёт и распишись, что не имеешь никаких претензий.

Яковлев посмотрел на Фёдора Петровича. Тот внимательно слушал, постукивая пальцами по колену.

— Посчитал я деньги,— продолжал рассказчик.— Смотрю, так и есть: выходное пособие не заплатили. А на то закон имеется. У меня брат в окружном суде писцом служит, он мне и растолковал.

— Правильно, — подтвердил Фёдор Петрович.— Есть такой закон.

Видя, что молодой человек слушает его с интересом, Яковлев совсем воодушевился.

— Тогда я им и говорю: «Ну нет, господа хорошие, не могу вашу бумагу подписать. Сперва рассчитайте по закону». — «Ах, тебе чтобы по закону? — кричит управляющий и — конторщику: — Покажем ему законы?» — «Покажем,— соглашается конторская крыса и давай звать сторожа: —

Ерофеев, а Ерофеев, беги в участок...»

— Ну, вытолкали они меня в шею за ворота,— вздохнул Яковлев и улыбнулся.— А я не будь промах, на хозяина — в суд.

Однажды Яковлев уже рассказывал эту историю выступавшему в кружке интеллигенту. Оратор был из тех, кто призывал рабочих немедленно начинать революцию.

Робея передучённостью этого человека, Иван изложил свою беду. Оратор поморщился. «Не занимайтесь мелочами,— сказал он.— Спор с хозяином из-за нескольких жалких рублей только отвлекает от революционного дела».

Иван ничего тогда не сумел возразить. Как назло, всегда у него так: сразу не найдётся, что ответить, а потом, когда уже поздно, нужные слова сами на ум приходят. Поэтому-то и считал он себя тугодумом. И всё же после разговора с интеллигентом пришёл к выводу: оратор советовал не то. За свои права надо бороться. Пусть он, Яковлев, ничего не добьётся, но рабочие будут видеть и поймут, что уж покорностью-то своих прав не отстоишь.

А что скажет сейчас Фёдор Петрович?

— И очень правильно сделали,— воскликнул молодой человек. — Замечательный пример для других рабочих. Нельзя прощать ни единого случая самоуправства этим мерзавцам. И что же, интересно, решил суд?

— Суд три раза переносили,— горячо продолжал Иван, ободрённый тем, что Фёдор Петрович одобрил его поступок. Он как бы заново переживал сейчас свою борьбу с заводчиком.— Видели бы вы, как разъярился хозяин. Даже пообещал своему адвокату какие угодно деньги заплатить, лишь бы верх взять. Боялся: если проиграет — любой рабочий станет его в суд таскать... Да ничего, однако, у них не вышло. Пришлось платить.

— Вот видите! — Фёдор Петрович живо вскочил с дивана и заходил по комнате.— Вы даже не представляете, как поучителен ваш пример.

Вот уж не думал и не гадал Ваня Яковлев, что его рассказ так заинтересует молодого человека.

— Это же как раз то, к чему мы сейчас стремимся,— говорил, расхаживая по комнате Фёдор Петрович.— Чтобы разбудить основную массу рабочих, надо использовать любое нарушение фабричных законов, каждый случай недовольства. Перестали давать кипятилок, снизили на пятак расценки — наша задача на примере этого пятачка разъяснить рабочим, откуда появились на свет фабриканты и заводчики.

Фёдор Петрович остановился перед Яковлевым:

— Возможно, кое-кто скажет: пустяки, мелочи... Но это не так. Из этих мелочей и состоит жизнь сегодняшнего рабочего. И проходить мимо этих, с позволения сказать, пустяков было бы преступле-

нием для марксиста... Я вас ещё не утомил, товарищ?

— Как можно... — покраснел Яковлев. — Да я сам, похоже, так думал.

— Думали? — вскинул голову Фёдор Петрович. — Почему думали? А теперь не думаете?

— Да нет, я не то говорю, — растерянно забормотал Иван. — Я хотел сказать, всегда так думал, да вот товарищ один, из ваших же интеллигентов, возьми и скажи: недо-

стойно, мол, революционера по пустякам с хозяином спорить...

— Ерунда! Абсолютнейшая ерунда! — Фёдор Петрович опять возбуждённо заходил по комнате. — И не верьте вашим советчикам. Они ничего не поняли у Маркса. Революцию делают не одиночки. Только организованный рабочий может стать настоящей силой. Наша сила в организации. Это запомните. Это сейчас важнее всего.

...В следующее воскресенье Яковлев снова пришёл к Фёдору Петровичу.

В мастерской, стоя за своими тисками, Иван много думал о том, что говорил ему в прошлый раз Фёдор Петрович, и — удивительное дело! — не находил в его словах ничего такого, чего бы не понял или с чем бы не согласился.

Так же, как и в прошлый раз, Фёдор Петрович сидел за столом и писал.

Увидев Яковлева, он вытащил из жилетного кармана часы на ленточке.

— Ого! Уже десять! Присаживайтесь, товарищ Яковлев. Сейчас начнём заниматься.

— Да пишите, пишите, — замахал руками гость. — Я могу и подождать.

— Зачем ждать! Вы пришли вовремя. Это я не успел закрутиться. Берите стул и подсаживайтесь.

Фёдор Петрович собрал листки, на которых писал, убрал их на этажерку, а взамен взял толстую книгу.

— «Капитал», — прочёл Иван. — Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого. Санкт-Петербург, тысяча восемьсот семьдесят второй год.

— Вот эту замечательную книгу и будем с вами штудировать, — сказал Фёдор Петрович и слёгка прищурил свои тёмно-карие глаза.

Книга была очень громоздкой. До сих пор Яковлев никогда не держал в руках таких толстых книг. Его одолело сомнение:

— Вы думаете, я разберусь?

— Вместе будем разбираться. Вместе, — улыбнулся Фёдор Петрович. — Знаете, как альпинисты в гору ходят? За верёвочку. Один за другим. От выступа к выступу. Один маленький шажок, другой... Глядишь, уже и до вершины рукой подать... Скажу вам, — Фёдор Петрович положил руку на переплёт, — это величайшая вершина революционной мысли. Эверест...

Начали заниматься.

Фёдор Петрович читал и на знакомых Яковлеву примерах разъяснял смысл прочитанного.

Иван был поражён, узнав, что существует связь между сделанным на Путиловском заводе паровозом и, например, куском ткани, сработанной на фабрике Максвеля.

Казалось бы, что может быть общего: тяжёлый, пышущий жаром локомотив, влекущий за собой десятки вагонов, и нежнейший воздушный кусок материи? Оказывается, есть общее.

— Вот этого я в толк и не возьму, — сокрушался Яковлев, пожимая плечами. — Паровоз — стальные колёса, сколько тонн веса! А ткань? К примеру, вот эта скатёрка, — он потрогал пальцами скатёрть на столе. — Пшик один, да и только... И выходит, они как бы одной природы?

— Совершенно верно, — закивал Фёдор Петрович. — Они именно, как вы говорите, одной природы. И паровоз, и скатёрть порождены трудом

человека. Разница лишь в качестве и количестве труда.

— Ага, понял. В количестве труда и в сноровке! — подхватил Иван. — Паровоз слесаря, да котельщики, да кузнецы сработали... У них своя сноровка. А ткани ткачи ткут... Силу же человеческую что ткачи, что кузнецы затрачивают. Только одни меньше, другие больше...

— Вот видите! — обрадовался Фёдор Петрович. — Все вы прекрасно поняли. А это очень важно понять. Теперь вам сразу же станет ясно, что стоимость любого товара зависит от того, сколько труда вложил в этот товар рабочий... Вот мы и взяли с вами первую высоту.

Яковлев даже вспотел, размышляя над всем этим. У тисков куда легче! Он то и дело доставал платок и вытирал лоб.

Иван понимал далеко не всё, что читали и разъяснял ему Фёдор Петрович, но, странное дело: он нисколько не робел и переспрашивал, что было неясно.

А временами, забыв, что перед ним не свой брат, рабочий, а интеллигент, человек учёный, Иван вступал в спор с Фёдором Петровичем. И молодой человек не только не сердился, что Яковлев с ним спорит, а, наоборот, очень радовался этому. И от удовольствия даже потирал руки.

Как-то, уже зимой, Яковлев сильно простудился на работе и в воскресенье не смог прийти к Фёдору Петровичу. А ког-

да поправился и пришёл в значимую квартиру в Большом Казачьем переулке, хозяйка объявила, что квартирант съехал. А куда — неизвестно.

Иван сильно опечалился. Он понимал: раз Фёдор Петрович так внезапно съехал с квартиры и не оставил для него нового адреса, значит, так надо. Возможно, молодой человек скрывался от царской охраны.

Яковлев ужаснулся при мысли, что он проморгал и нечаянно навел на Фёдора Петровича шпика, который часто следовал по пятам за Иваном. Правда, Яковлеву всегда удавалось уходить от «хвоста». А вдруг он однажды всё-таки проворонил и подвёл под удар такого человека?..

Иван стал осторожно наводить справки у «своих», но никто ничего не слышал о Фёдоре Петровиче.

Тогда Яковлев пошёл на хитрость.

В один из выходных дней он зашёл в гости к своему брату, писцу окружного суда.

Посидели, поговорили. А уходя, Иван как бы между прочим и спросил, не может ли брат узнать про одного адвоката.

— Товарищ по работе просил: хочет наследство отсудить, — придумывал Иван. — Ему этого, какого... фамилию-то забыл, адвоката и посоветовали... Так ты скажи мне, знающий он человек или нет?

— Как же я скажу, — удивился брат, — когда ты и фамилию-то не знаешь,

— Виноват, — потупился Иван.— Видать, не дал бог памяти...

— Да-а,— насмешливо протянул брат.— С такой головой в канцелярии не служить...

— Не служить,— сделав грустное лицо, согласился Иван.— Умом не вышел...

— Не вышел. Это уж точно... Серый ты человек, Ваня,— вздохнул брат.— Но так уж и быть, помогу. Ты хоть адрес этого адвоката запомнил?

— Вот адрес, кажется, есть,— закивал Яковлев.— Сейчас, сейчас, дай бог памяти... адрес будет такой...

Иван назвал бывший адрес Фёдора Петровича. Как ему было известно, Фёдор состоял в коллегии адвокатов. Молодой человек сам ему об этом как-то сказал.

Брат записал адрес. Сказал хвастливо:

— У нас списки всех судебных чинов и всех присяжных поверенных налицо имеются... Могу даже дать тебе адрес

самого прокурора Петербургской судебной палаты...

— Да неужто? — разыграл удивление Иван.— Вот страсти-то...

— Заходи завтра вечером, и всё тебе скажу,— любуясь своим превосходством, сказал брат.

На другой день, поздно вечером, после работы, Иван опять пришёл к брату:

— Ну, что? Узнал?

— Спрашиваешь, — отвечал брат.— На то и канцелярия. Записывай...— Яковлев так и наострился весь.

— Записан на той квартире в Большом Казачьем помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов.

— Владимир Ильич Ульянов,— как эхо повторил Иван.

— Да ты запиши, а то опять забудешь,— посоветовал брат.

«Ну уж нет,— подумал Яковлев,— этого человека никогда не забуду». Но вслух ничего не сказал.

— Тю! — удивился Вася. — Видели гражданина. Ты, что ли, гражданин? Почему же ты тогда мне не сказал, что вас с Прохоровым вызывали на эшафот? Любу вашу, оказывается, не вызывали, а вас вызывали. И вы Ивану Грозному наврали там на меня. Выходит, кто из нас негражданин? — закончил Вася, спрыгивая с подоконника.

От первого удара, который последовал сразу за прыжком, Витя сумел увернуться. Васин кулак шел с прицелом прямо в глаз. Витя сжался и присел. Кулак просвистел у него над головой. Дело принимало худой оборот. На лестнице — никого.

И тут Витя вспомнил про Светлану Сергеевну, которая осталась в классе. Бегать Витя умел. Вася Пчёлкин пыхтел с отставанием от Вити метра на два. В коридоре, на прямой, разрыв увеличился еще. У своего класса Витя резко свернул, рванул на себя белую дверь и мгновенно её за собой захлопнул. И первое, что Витя увидел в классе, был пустой учительский стол. Вернее, не пустой. Тетради на столе лежали, а Светланы Сергеевны почему-то не было.

Едва Витя нырнул в укрытие, хлопнула дверь и раздался бодрый Васин голос:

— Ну, килька, погоди!

Как разыскать притаившегося

где-то под партой шкета? Проще простого: заглянуть под первую парту — весь ряд просматривается насквозь. Вася Пчёлкин так и поступил. Заглянул.

— Ясно, — сказал Вася Пчёлкин. — От кильки — вы слышите, граждане? — уже идёт запах. Кильку, граждане, можно есть прямо с головой, костями и хвостом. Внутренности, граждане, лучше выплёвывать.

— В чём дело? — раздался тут голос. — Откуда у меня под столом могла очутиться килька? Какие граждане?

Застыв на четвереньках, Вася Пчёлкин поднял голову. Над ним со строгим лицом стояла учительница Светлана Сергеевна.

ТАЙНЫЙ АГЕНТ

— Так откуда здесь всё-таки могла оказаться килька? — повторила Светлана Сергеевна, принюхалась и заглянула под стол.

— Да нет, — сказал Вася Пчёлкин, поднимаясь с четверенек и отряхивая колени. — Ниоткуда. Нету здесь никакой кильки.

— В чём же тогда дело?

— Шутка, — вздохнул Вася. — Можно, я пойду? До свидания.

Скрипнула дверь, негромко прикрылась, и в классе сделалось так тихо, что у Вити от напряжения зазвенело в затылке. От неудобной позы у Вити занемела левая нога и в пятку стали колоть иголки.

И только Витя совсем уже было собрался выбраться из-под парты, в класс кто-то вошёл. Вернее, не кто-то, а Иван Грозный. Витя сразу узнал завуча по голосу.

— Света, — сказал завуч, — я как почувствовал, что ты здесь. И долго ты собираешься от меня бегать?

— До тех пор, Иван, — отозвалась Светлана Сергеевна, — пока ты не станешь вести себя иначе.

Вот те раз! Оказалось, Светлана Сергеевна с завучем без всякого разговаривали на «ты». Хотя только сегодня Витя собственными ушами слышал, как они обращались друг к другу на «вы». Выходит, при всех у них было одно, а наедине другое.

— Мне не совсем, честное слово, понятно, — сказал Иван Игоревич, — за что ты так уж на меня обиделась. Дело, по-моему, не стоит выеденного яйца. Самое главное, Света, как я отношусь к тебе. А это ты прекрасно знаешь.

— Ага, знаю, — вздохнула Светлана Сергеевна, — ты относишься ко мне, как многоопытный педагог с девятилетним стажем к бездарной подготовишке. Мое мнение для тебя...

— Это не так, Света! — перебил он.

— Нет, так, Иван! — тихо сказала она. — Я уже сто раз говорила тебе, что мне отвратителен обман во имя укрепления авторитета! Я, Иван, считаю, что между воспитателем и воспитуемым несколько иные отношения, чем между лошадей и всадником.

Наступила пауза. И Витя почувствовал, что ещё немного, и он не выдержит. У Вити совершенно затекли спина и шея, онемели ноги и руки.

Парта, под которой притаился Витя, не то чтобы скрипнула. Она взвыла и завизжала на весь класс. Хотя Витя всего-навсего еле двинулся.

— А? — сказал завуч. — Что там такое? Ты слышала?

По проходу запагали ботинки. Ближе... ближе... И с каждым ша-

гом Витя всё больше вжимался в парту.

— У-тю-тю! — раздалось над Витей. — Да тут, оказывается, засел тайный агент. Ну-ка, вылезай!

Витя выбрался из-под парты и с трудом разогнулся.

— Каким образом, Корнев, ты тут очутился? — удивилась Светлана Сергеевна. — Или мне просто померещилось, что ты открыл дверь и ушёл?

Завуч сел боком на парту. Поставил ногу на сиденье и спросил:

— Ты, разумеется, знаешь, родимый, как поступают с пойманными на месте преступления шпионами?

— Иван! — сказала Светлана Сергеевна.

— Иван Игоревич, — поправил он. — Для учеников моей школы, Светлана Сергеевна, в их присутствии я для вас всегда буду только Иваном Игоревичем. Этот вопрос обсуждению не подлежит.

— Но как же можно, Иван...

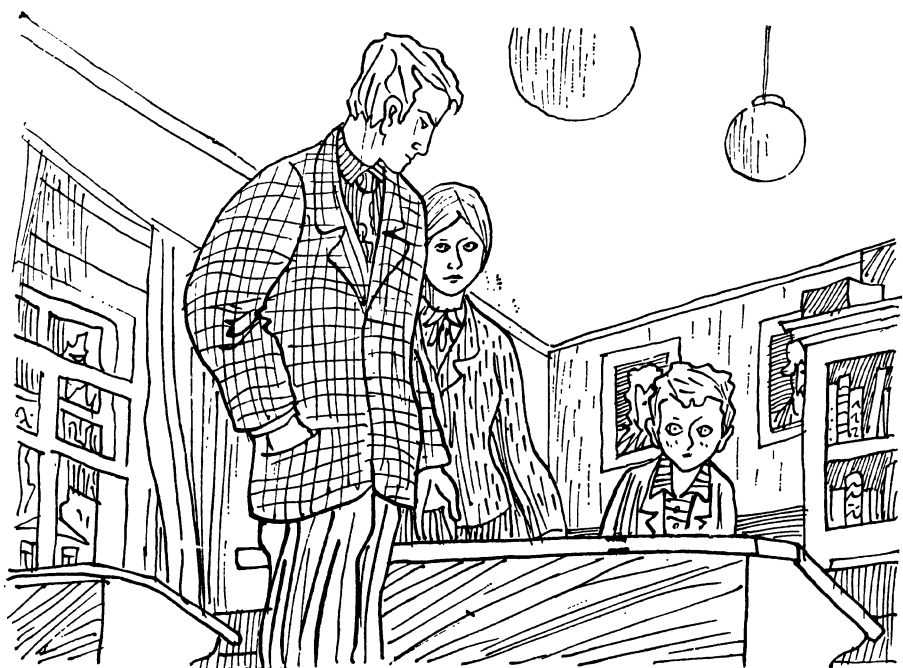
— О, есть светлая мысль! — воскликнул завуч. — Сейчас мы, Светлана Сергеевна, с помощью вашего ученика прекрасно разрешим наш спор. Ответь нам, пожалуйста, Корнев, коль ты уж тут очутился и кое-что слышал, ответь: почему меня уважают в школе — просто так или потому, что боятся?

Но что мог Витя ответить на такой вопрос? Про коров было и то проще ответить, чем на такое. Если, конечно, говорить по-честному, то, по Витиному мнению, Ивана Грозного вовсе совсем и не уважали, а просто боялись. Но не скажешь ведь такое в лицо взрослому человеку, и тем более завучу. А неправду говорить — так какой же тогда Витя гражданин? Никакой он тогда не гражданин. Ещё хуже, чем Вася Пчёлкин.

— Не знаю я, — просопел Витя, не придумав ничего более вразумительного.

Он просопел эти слова и тотчас понял, что всё равно обманывает.

— Вы негражданин, — выговорил Витя.

— Что, что?! — удивился за-
вуч. — Что ты сказал?

— Я сказал, что вы негражда-
нин, — более твёрдо повторил Ви-
тя.

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»

Хотя Витя и открыл дверь сво-
им ключом, в прихожей его сразу
встретила бабушка. Приложила
палец к губам:

— Тс-с... Дедушка спит.

— Кто там? — крикнул из ко-
мнаты дед. — Витька? Я не сплю!
Иди сюда, Витька. Один вопрос
тут назрел.

Дед лежал на диване, запроки-
нув голову. Видно, недавно деда
снова сильно прихватило. Подбо-
родок торчал вверх. На шее натя-
нулась морщинистая кожа. И
в комнате пахло лекарством.

— Что ты такой пришиблен-
ный? — спросил дед, покосив гла-
зом. — Подрался, что ли, с кем?

— Не, — буркнул Витя, — ни с
кем я не дрался.

— Так чего?

— Тебя Светлана Сергеевна про-
сила у нас в классе выступить, —

буркнул Витя. — Просила расска-
зать про военно-морскую авиацию.
Ты сможешь у нас выступить?

— Я-то смогу. Но ты ведь не по-
тому такой пришибленный?

— Не.

— А почему?

— Папу в школу вызывают, —
просопел Витя. — Я нашему заву-
чу сказал, что он негражданин.

С минуту дед лежал молча, не
шевелился. Потом, закрихтев, сел,
спустил с дивана ноги в синих
шерстяных носках. Попросил, что-
бы Витя прикрыл дверь, сказал:

— Выходит, мой внук вздумал
в единый миг заделаться гражда-
нином? Так я тебя понял? Но не-
ужели ты решил, что каждый гор-
лопан, у которого покрепче голос,
уже и гражданин?

— Ничего я не решил. Я...

— Цыц, теники-веники!

— Но он же, деда, правда...

И, сбиваясь, перескакивая с пято-
го на десятое, Витя рассказал де-
ду, как их с Фёдей вызывали «на
эшафот», как сегодня получилось,
что он оказался под партой и что

он услышал. Дед кряхтел, тёр поясницу и морщился. Выслушав внука, сказал:

— Всё вроде правильно, Витьк. А ты подумай, зачем? Если бы все люди вдруг стали поступать, как ты. А? Других бы долбали, а сами чуть-чуть делали по-своему. Ведь самому всегда чуть-чуть можно. И что бы тогда случилось? Подумай.

Дед так разошёлся, что в комнате сразу незаметно очутилась бабушка. Неслышно вошла, остановилась у двери, сложила руки на переднике.

— Что тут у вас стряслось?

— Ничего, ничего. Полный порядок, Маняш,— проговорил дед.— В школу вот мне нужно сейчас сходить. С завучем поговорить... относительно выступления.

— Какое еще тебе в таком состоянии выступление, Коля?

— Надо, Маняш. Дети просят,— сказал дед и повернулся к Вите:— Да, я вот что у тебя хотел спросить: вы новую машину купили?

— Какую новую? — не понял Витя.

— «Жигули»,— сказал дед и дёрнулся в сторону бабушки, которая безмолвно стояла и лишь мяла в руках край передника.— Прошу тебя, мать! — воскликнул дед.— Он уже не ребёнок! И я считаю, что обязан говорить ему всё! Он живёт не в какой-то обособленной жизни, а вместе с нами. И нечего перед ним прикидываться. А с Вадимом, не бойся, я тоже поговорю. Мне плевать на его «Жигули»! Но стыдно, что он от меня тайны устраивает.

— Да ничего, деда, папа от тебя не устраивает,— вступился за отца Витя.— Откуда ты взял про «Жигули»?

— Вот откуда,— схватил дед с журнального столика бумажку.— Документ тут у меня один затерялся. В горисполкоме требуют, а он, лешак его ведаёт, куда сгинул. Искал, искал и вот... Чёрным по белому, на бланке и с печатями. Читать умеешь? Вадим Николаевич Корнев деньги такую-то сумму

уплатил, автомобиль марки «Жигули» получил. Или, может, Вадим Николаевич Корнев это какой-то совершенно чужой дядя?

— Да папа же, конечно! — вспомнил Витя.— Только ты, деда, прямо всё перепутал. Это же папа не себе машину купил. Она лишь на папу оформлена. А вообще-то это дяди Сенина машина.

— Так, так,— сказал дед.— Выходит, я, старый путаник, всё перепутал. Но почему же ваш дядя Сеня купил машину не на свое имя, а на папино?

— Да очень прямо просто,— сказал Витя.— У папы на работе поделили машины. Ну, значит, кто хочет, пожалуйста, покупайте. Папа решил купить. Написал заявление. Думал, «Москвича» продаст, добавит денег и купит «Жигули». Но они с мамой подсчитали, и ничего не получилось. Оказалось, не набрать им столько денег. Папа хотел отказаться, а тут дядя Сеня и попросил его, чтобы он не отказывался. Зачем же отказываться, когда у дяди Сени на работе не дают машин? Вот так и получилось. Понимаешь?

— Чего уж тут не понять? — вздохнул дед.— Понимаю. Мелочь, на которую не стоит обращать внимания. Но если мне не изменяет память, вы с папой этой весной как-то собрались в цирк. И не попали. Потому что опоздали на паром. Было такое?

— Было,— сказал Витя.

— И, как ты мне рассказывал, папа очень мудро объяснил тебе, почему пароход не дождался вас. И из-за подшипника папа на тебя рассердился, не захотел, чтобы ты что-то доставал...

— Коля,— тихо сказала от двери бабушка.

— А сам,— не услышав бабушки, закончил дед,— за счёт своих сослуживцев достал своему товарищу машину. Вот почему я говорю, Витьк, что видеть недостатки в поведении других не так и сложно. Сложней самому вести себя достойным образом, не разрешать себе никаких чуть-чуть.

НЕ СВЕРНИ С КУРСА

Дед прихромал из школы, помянул Витю в уголок и тихо сказал:

— Завтра утром подойдёшь к завучу и извинишься перед ним. Гражданин!

А когда вернулся с работы папа и они с мамой пошептались на кухне, началось самое главное.

— Нам нужно с тобой серьёзно поговорить, — сказал папа деду. — Так, отец, больше продолжаться не может. Я не пойму, чего ты доби- ваешься!

— Маняш! — позвал дед и хлопал рядом с собой по дивану. — Сядь тут рядом со мной. — И ска- зал папе: — Я тебя слушаю, Ва- дим, слушаю. Давай поговорим.

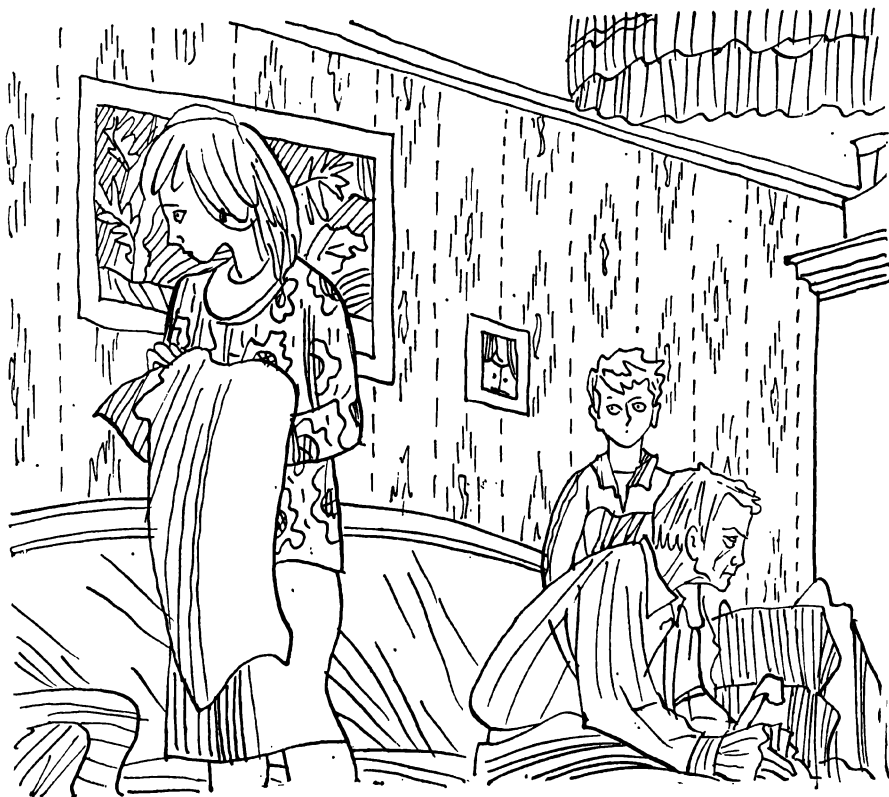
Перебивая друг друга, Витины папа и мама подробно объяснили деду, что вести себя подобным об- разом попросту бестактно. Что здесь не армия. Что нельзя смот- реть на вещи столь прямолинейно.

Наконец, дождавшись паузы, дед вздохнул:

— Принимаю. Целиком и во- сём согласен с вами, ребята. Иди- отский у меня характер. Тяжело вам со мной. Знаю. Но ведь я во- енный лётчик. Вы меня тоже пой- мите. У военного лётчика мышле- ние и впрямь, наверно, прямоли- нейное, примитивное. Дальше взлё- та и посадки, боевого курса и ата- ки он не видит. Не видит и не по- нимает.

Дед помолчал, нашёл на диване бабушкину руку, положил на неё свою и, глядя в потолок, нежи- данно стал рассказывать про тор- педную атаку. Бывало, Витя про- сит-просит — не допросится. А тут дед — сам. Лежал и рассказывал о том, как самолёт-торпедоносец выходит на боевой курс, как при- целивается по кораблю противни- ка, как идёт сквозь шквал огня к цели.

И Вите было немножечко стран-

но слушать обо всём этом после горячих маминых и папиных речей. Ведь то, о чём рассказывал дед, не имело никакого отношения к маминой обиде.

А с другой стороны, что было до всего этого Вите? Слушая деда, Витя с неожиданной отчётливостью до самых мелких подробностей представил себе всю торпедную атаку. Он услышал звук ревущих моторов, почувствовал дробную вибрацию корпуса самолёта, ощутил толчки от рвущихся в воздухе снарядов. Витя представил себе всё так отчётливо, будто сам сидел рядом с дедом за штурвалом, сам впивался в маячащие на горизонте корабли противника.

...Холодное Баренцево море. Вдали фашистский транспорт в окружении боевого охранения. И все огневые точки на эсминцах и сторожевиках стреляют в один-единственный самолёт. Все! В тебя! Даже орудия главного калибра. Они бьют перед самолётом в воду. И на пути самолёта вздымаются огромные столбы воды. Пули и снаряды свистят вокруг торпедоносца. А штурман, глядя в специальный прибор, наводит машину на цель.

Боевой курс! Его нужно выдерживать с безупречной точностью. Скорость. Высоту. Направление. Чуть дрогнешь, собьёшься, и сброшенная тобой торпеда пойдёт мимо цели.

И бывало так, что у лётчика на боевом курсе сдавали нервы. Очень редко бывало такое, но бывало. Не выдержит лётчик шквального огня противника и отвернёт, чтобы уйти. Но на вираже самолёт подставляет под град снарядов и пуль слишком большую площадь, всё «пузо», как говорят в авиации. Намеревался уйти, да получилось иначе. Чаще всего те, кто сворачивает с боевого курса, на базу не возвращались. В бою вообще чаще других гибнут трусы.

— Что уж тут попишешь? — сказал дед, поглаживая бабушкину руку. — Я лётчик, ребята. И по

мне жизнь — та же атака. Чуть-чуть собьёшься, считай, в цель тебе не попасть. А сдадут нервы, струсил, отвернёшь — значит, вообще пропал. Вот вам и вся моя немудрёная философия.

КАК ВАС СБИЛИ?

В классе набилось народу — никогда столько не набивалось. И из четвёртого «а» пришли, и многие старшеклассники, и учителя, и дядя Андрюша.

Завуч Иван Игоревич сказал:

— Может, Николай Григорьевич, лучше в актовЫй зал переберёмся?

Но дед не захотел в актовЫй зал. В классе ему понравилось больше. А может, ему просто было тяжело лишний раз двигаться. И так с трудом поднялся на третий этаж. Отдыхал на каждой площадке. Из учительской принесли стулья. За каждую парту втиснулось по три и даже четыре человека.

Дед оглядел парты и спросил:

— О чём же вам рассказать? Может, у вас вопросы какие-нибудь есть? Про авиацию.

На деде чёрная тужурка с золотыми пуговицами. На кремовой рубашке чёрный галстук. На плечах полковничьи погоны.

— Расскажите, как вас сбили, — пискнула Люба.

— Агафонова! — шикнула на нее Светлана Сергеевна.

— Правильно, правильно, — сказал дед. — Можно и об этом. Было такое. Раз есть интерес, расскажу.

Сказал «расскажу» и замолчал. Сидел за Светланиным столом, вытянув перед собой сцеплённые пальцы рук, и смотрел на свои пальцы. Так и начал, не поднимая глаз. Только почему-то вовсе не про торпедную атаку и не про самолёт-торпедоносец, который шёл над Баренцевым морем и зацепил краем крыла водяной столб.

— Гастроном на улице Энгельса знаете? — начал дед. — Прохожу я тут на днях мимо этого гастронома. Иностранная машина стоит. Шикарный автомобиль, ничего не

скажешь. За рулём — никого. А рядом с водителем местом женщины сидит. С круглыми тёмными очками во всё лицо. У автомобиля трое парнишек крутятся, заграничную красоту рассматривают. Лет так по десять мальчишкам. Может, чуть больше. Тут из магазина хозяин машины вышел. Иностранец. Свёртки к груди прижимает.

Дед помолчал, поднял глаза и сказал:

— И вот то, что случилось дальше, неожиданно напомнило мне, ребята, самое оглушительное событие в моей жизни. Я вспомнил раннее утро двадцать шестого августа тысяча девятьсот сорок первого года. В тот день я потерял своих трёх боевых друзей и лишь чудом сам остался в живых. В тот день меня сбили во время торпедной атаки.

НА СВОБОДНУЮ ОХОТУ

Экипаж старшего лейтенанта Корнева подняли по тревоге в три часа ночи. Заместитель командира полка и начальник разведки разложили перед Корневым и штурманом — лейтенантом Володей Тарутиным — карту.

— Где-то в этом квадрате, — ткнул карандашом начальник разведки. — Идут отсюда. По всей вероятности, вот сюда. На море штиль, но сплошная низкая облачность, метров пятьдесят. И моросящий дождь. К утру дождь может усилиться. В караване один транспорт с живой силой и техникой. Охраняют: два эсминца и два сторожевика.

— Самолёт будет готов через пятнадцать минут, — подняв левую руку и взглянув на часы, сказал заместитель командира полка. — Вылет через час. Пойдёте на свободную охоту. Полная инициатива в действиях. Но без лишнего риска. Транспорт разыскать во что бы то ни стало, атаковать и потопить.

— Есть! — чётко ответили Корнев с Тарутиным.

Выскочив из штабной землянки,

они наткнулись на своего стрелка-радиста Ваню Перепелицу.

— Всё готово, — доложил Ваня.

— Веселков где? — спросил Тарутин о воздушном стрелке Саше Веселкове. — Если он, теники-веники...

Штурман Володя Тарутин двух слов не мог сказать без своих «теников-веников». О Веселкове же он беспокоился потому, что тот был влюблён в Алёнку из офицерской столовой и частенько прибегал по тревоге с невыспавшимися глазами.

— Уже у самолёта Веселков, — сказал на бегу Ваня Перепелица. — Он прямо туда побежал, а я — к штабу.

Они бежали до самой стоянки. Совсем взопрели в меховых комбинезонах и унтах. Да еще под мехом комбинезона — тёплое бельё, шерстяной свитер... Пар валил от тройки, пока добрались до своего «Ила».

Громоздкий «Ил-4» стоял, задрал к низким облакам прозрачный нос штурманской кабины. Было по-северному призрачно-светло, как обычно здешними белыми ночами. Под брюхом самолёта уже висела густо смазанная рыжим маслом торпеда.

Корнев натянул с помощью моториста парашютные лямки, защёлкнул каждую из них в замок. Ртом поддул в резиновые трубки на груди ярко-оранжевый спасательный жилет — «капку», надевший поверх комбинезона. И только после этого дал команду — по кабинам!

Знал бы Корнев, какую неоценимую службу сослужит ему вскоре эта «капка»! И как кстати придётся именно то, что Корнев даже в той спешке не забыл поддуть её! Однако в тот момент командир экипажа, конечно же, совершенно не думал обо всём этом. Он попросту делал то, что диктовала ему инструкция, и делал это почти автоматически.

Взревели моторы. Короткая рулёжка. В шлемофоне голос:

— Взлёт разрешаю!

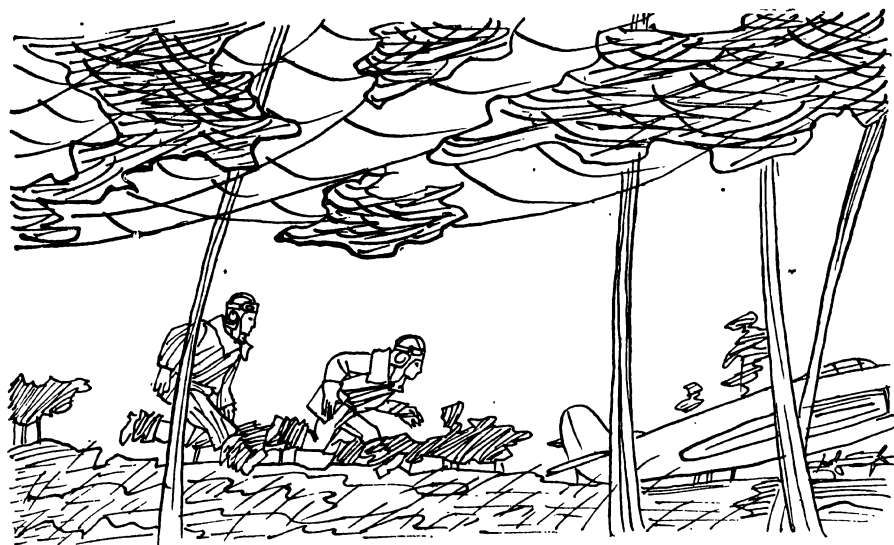
Винты на малый шаг. Рычаги газа — до упора. Замелькала взлётно-посадочная полоса, смазалась скоростью в сплошной серый поток. Штурвал резко от себя, чтобы оторвать хвост. И затем медленно на себя. И ещё. Мягкий толчок. Снова толчок. И последний, почти незаметный, когда взлетевшая машина едва задела колёсами какую-то неровность.

До береговой черты шли вслепую, в облаках. Когда по расчётам штурмана выскочили к побережью, пробили облачность. И потянулись на бреющем над самой водой. Сверху их прикрывало серой,

Ага, вижу. Идём на сближение. Приготовиться. Перепелица! Веселков! Вы не дрохнете там?

С транспорта и кораблей охранения их встретили огнём мили за три. По бортам эсминцев и сторожевиков заплясали огоньки выстрелов. Звука выстрелов они в самолёте не слышали. Ни за три мили, ни когда подошли ближе. Всё перекрывал мощный гул моторов.

Легли на боевой. Ровно тридцать метров над гладью воды. И ни-ни от заданных скорости и курса. У Корнева вспотели руки в меховых крагах и взмокла спина. Смотрел прямо перед собой, на цель, на

морозящей нудным дождём, хмарью. Они около двух часов резали зигзагами квадрат, указанный начальником разведки полка. От монотонного гудения моторов и однообразия серой с нескончаемым дождём-пылью муты слипались глаза.

Едва различимый вдаль караван первым заметил Володя Тарутин. Крикнул:

— Командир, справа!

Голос его резко ударил в шлемофоне по ушам.

— Где? — спросил Корнев. —

транспорт. Но краем глаза видел беззвучно рвущийся вокруг самолёта шквал огня. В плоскостях тут и там мгновенно, словно невидимый фокусник показывал хитрый фокус, возникали рваные отверстия. Впереди по курсу яркими бутонами расцветали вспышки снарядов. Из воды один за другим стали подниматься, почти доставая макушками до облаков, зелёные столбы воды. Они опадали с пенным всплеском, вдавливая под собой круглые чаши. И от огромных чаш волнами расходи-

лись затухающие круги. Это загаворила артиллерия главного калибра.

— Приготовиться к сбросу торпеды! — скомандовал штурман. — Ну, дадим мы им сейчас, теники-веники!

Что произошло дальше, Корнев понял лишь через несколько минут. Мощный удар вырвал у него из рук штурвал. Перед глазами мелькнул падающий влево горизонт... Еще один болезненный удар. И всё потухло.

УМИРАТЬ НУЖНО СТОЯ!

В чувство Корнева привела ледяная ванна. Его будто обожгло, насквозь пронзило нестерпимым холодом. Медным гулом гудела голова. Плюс ко всему Корнев наглотался горько-солёной воды и еле отдышался. Кашляя и отплываваясь, он огляделся. На поверхности воды, не давая ему утонуть, его держал поддутый перед вылетом ярко-оранжевый жилет — «капка». Невдалеке покачивался под морозящим дождём еще какой-то предмет такого же цвета. И больше вокруг не было ничего. Кругом была одна затянутая дождевой пылью пустота. Пустота и мягкий, затихающий накат волн.

Самолёт, как понял Корнев, ударился правой плоскостью о водяной столб. Резкий разворот и... При ударе над Корневым, вероятно, сорвало фонарь кабины. А пристяжные ремни? Неужели успел механически отстегнуть их? Он этого не помнил. Но так или иначе, его выбросило из кабины. А Володя Тарутин, Ваня Перепелица, Саша Веселков... Неужели пошли на дно вместе с машиной?

А что это там маячит невядалеке под дождём? Может, кто-то из ребят? И Корнев поплыл туда, к этому качающемуся предмету. Он с трудом двигал окоченевшими, непослушными руками. Он плыл и будто не двигался с места. Наконец сообразил: мешал, сильно оттягивая вниз, намокший парашют. Щёлкнув на груди замком, Корнев

освободился от лямок. Сразу сделалось легче. И тогда, преодолевая тугую непослушность мышц, он упрямо поплыл к тому предмету. Предмет оказался упакованной в чехол надувной лодкой «ЛМС-3». Каким образом она вдруг тут оказалась? По всей вероятности, при ударе о воду у «Ила» разломило хвост. И выбросило этот тук.

Снять чехол с тюка — всего лишь рвануть за торчащий кончик шкерта. А дальше и того проще. Корнев отвернул вентиль небольшого баллона. В считанные секунды лодка развернулась, набухла, наполнилась упругой пружинистостью. А вот залезть в лодку — тут неожиданно обернулось чрезвычайно сложным делом. Хотя, впрочем, может, Корнева слишком ударило при падении? Болезненный гул в голове говорил именно об этом.

Он всё же залез в лодку. Каким-то неимоверным напряжением заставил себя лечь грудью на тугой валик борта, подтянуться и перевалиться внутрь. В лодке Корнев нашёл черпак для воды и неприкосновенный, именно на такой вот случай, запас питания и даже небольшие, но вполне удобные вёсла и уключины.

Над пустынным морем застыла в дождевой пыли предутренняя тишина. Откуда-то с востока пробивалось утро. Кромка облаков в той стороне тихо наливалась сквозь дымчатую пелену едва различимой розоватостью.

Промокший комбинезон, казалось, не грел, а, наоборот, охлаждал. Корнева знобило. Его трясло так, что поплескивала у бортов лодки вода. Но комбинезон, конечно, грел. И Корнев знал это. Как отлично знал и то, что промокшее до нитки обмундирование всё-таки продлит ему жизнь по крайней мере часа на два. А сколько ему ещё осталось всего? Ну часов пять. Ну семь. А там неизбежное переохлаждение, потеря сознания и... конец. Найти его в такой облачности, при видимости в пять-шесть

километров — пустая трата времени.

К чему тут обнаруженный Корневым в лодке неприкосновенный запас — несколько галет, плитка шоколаду? К чему? Чем они могли ему помочь? Сухари, быть может, хороши на Чёрном море. Но на Баренцевом... Здесь не успеешь умереть от голода. Здесь тебя поджидает другое. Единственное, что сейчас нестерпимо хотелось Корневу, — это закурить. И захотелось ещё больше, когда он вытянул из кармана раскисшую пачку «Беломора». Чертыхнувшись, он отшвырнул от себя папиросы. Вместе с набрякшим коробком спичек. Голова гудела. От холода лязгали зубы. Не унять. А курево в «НЗ» не входило.

Чтобы согреться, он взялся за вёсла. Вставил их в гнёзда-уключины, резко оттолкнувшись, сделал гребок. Затем — второй и третий. Движение не согревало, вызывало лишь новый озноб. Метнулась шальная мысль: лучше бы уж, как штурман со стрелками, мигом. Умирать, наверное, всегда значительно легче, когда не успеваешь подумать о том, что умираешь. Наверняка, теники-веники, легче, как сказал бы Володя Тартин.

Нажимая на вёсла, Корнев увидел вдалеке приближающийся к нему на полном ходу вражеский сторожевик. Фашистского каравана Корнев так и не увидел, караван растворился в дожде. А сторожевик шёл к нему, к Корневу. И где-то в самой глубине души, стыдясь возникшей мысли, Корнев даже немного обрадовался. Вот и ладно. Вот и лёгкий конец. Хотя недолго придётся мучиться. Ясно ведь, зачем сюда торопились фашисты. Не в плен же брать! Зачем он им нужен? Фашисты давно уже успели убедиться — советские лётчики умеют молчать на любых допросах.

Корнев опустил весла. Достал из кобуры пистолет «ТТ», проверил обойму, вытряхнул из неё воду. Деловито и спокойно взвёл. И не-

ожиданно почувствовал, что его уже не так трясёт от холода, что вроде стало теплее.

Сторожевик приближался. Уже различались на фоне дождевой мути силуэты надстроек, мачты, стволы расчехлённых орудий. И Корнева вдруг пронзило: неужели они расстреляют его сидящего? Неужели он будет сидеть под выстрелами? Он — красивый командир, советский лётчик!

Попытка подняться, встать на ноги сначала не удалась ему. Юркая лодчонка плясала и грозила опрокинуть в воду. Наверное, дай ему такую задачу во время учения, Корнев не сумел бы её выполнить. Не сумел, будь он полон сил, в сухом обмундировании. Не сумел бы потому, что это было попросту невозможно. И любой, кто хоть немного знаком с подобным, может подтвердить: нет, не встать в промокшем зимнем обмундировании во весь рост в утлой пляшущей резиновой лодчонке под названием «ЛАС-3».

Однако бывает и так: то, что абсолютно невозможно в обычных условиях, возможно в условиях необычных. Бой — одно из самых необычных условий. Потому что нет ничего более противоестественного для людей, чем убивать друг друга. Сейчас шёл бой. И контуженный лётчик, насквозь промокший, дрожащий от холода, — встал. Встал и широко расставил в длину лодки ноги. Встал и даже не удивился тому, что сумел сделать подобное. Он просто не имел права не сделать этого.

С Корнева текло, капало в воду, которая успела накопиться под ним. В резиновом днище, под каждым из унтов образовалось углубление. И вода собралась в этих углублениях, прикрыв унты до кожаных ремешков на щиколотках. Перед глазами вспыхивали разноцветные круги. А на лицо липла и липла противная паутина дождевой пыли.

«ТТ» для сторожевика — что детский пистолет-пугач. С борта полоснут из пулемёта на такой ди-

станции, с которой их не достанешь и винтовкой.

Сторожевик, взбив за кормой пену, дал задний ход и застопорил машины. Высоко на борту виднелись фигурки в синем. Даже можно было отличить матросов от офицеров. Они рассматривали оттуда Корнева, точно белого медведя в вольере зоопарка. Корнев поднял пистолет. Покачиваясь и боясь упасть, прицелился. Зачем? Знал ведь, что впустую. Знал, что пуля не пройдет и половину дистанции. Но он всё равно решил стрелять. Решил потому, что жил, потому, что всё ещё вёл бой, потому, что сопротивлялся.

ПЕРЕД САМИМ СОБОЙ

Рука у Корнева дрожала. Он прищурил глаз. И нажал курок. Выстрел прозвучал жиденько, как хлопушка. Но отдачей Корнева чуть не свалило с ног. Лодчонка заплесала, как шальная. Он, балансируя руками, выпрямился и всё же устоял.

На борту сторожевика засмеялись. В утренней, нарушаемой

лишь шуршанием дождя тишине смех показался особенно обидным. Не прицеливаясь, Корнев выстрелил ещё раз. И ещё. Его уже не так швыряло отдачей. Он стрелял, стараясь не упасть и не забыть о последней пуле. Последнюю нужно было на всякий случай оставить для себя. На тот случай, если бы они вдруг захотели взять его живым.

Смех на борту стал ещё радостней. И от своей беспомощности, от болезненного гула в голове, от злости Корнев на какую-то долю секунды потерял сознание. Его качнуло. Он присел, схватился за округлые борта лодчонки, и... его пистолет, его последнее оружие, булькнув, пошло ко дну. Наверное, они всё же там, на борту, побаивались пистолета в его руках. Потому что стоило Корневу его уронить, как тотчас вспенилась за сторожевиком вода, и корабль подошёл ближе. Подошёл почти вплотную к Корневу.

Теперь сквозь туманное марево дождевой пыли он различал на борту даже лица. Счетверённый зенитный пулемёт на юте, развер-

нувшись, опустил стволы к воде. Корнев снова поднялся. Он поднялся и высоко вскинул голову. Он смотрел прямо в чёрные точки, откуда сейчас должен был брызнуть огонь.

Дробь выстрелов, глухо перекачиваясь, эхом убежала в дождь. Пули пропели над головой, зашлёпали всплесками за спиной. И Корнев не поверил, что они там промазали. С такой дистанции было невозможно промазать. Если стрелял даже совершенно неопытный новичок. Конечно, они там не промахнулись! Они просто пугали его! Они играли с ним! Они хотели, чтобы он упал сам!

Следующая очередь опять пропела над самой головой. За ней ещё одна. Но Корнев стоял. Не понимая как, но стоял. Сжав зубы, не опуская головы. Стоял и ждал, когда они там натешатся. Он ведь не имел права живым упасть перед ними, перед фашистами. Он — советский лётчик, коммунист. Они готали там, наверху. Что-то по своему кричали. Офицер махнул рукой в сторону юта, придумав видно что-то особенно интересное.

Через минуту Корнев понял, что там придумали. За кормой сторожевика вновь закипела вода. С борта замахахи руками, словно провожающие на вокзале. Кричали что-то радостное. Даже что-то швырнули к самой лодчонке Корнева. Точь-в-точь, как швыряют в вольер к белому медведю конфеты в яркой обёртке.

И ушли. Растворились в дождевом мареве. Расчёт был предельно прост. Зачем помогать ему, этому гордому красному лётчику, быстрее отправиться на тот свет? Зачем, когда он неизбежно отправится туда сам. Но только медленно, мучительно.

Проводив глазами корабль, Корнев обессиленно плюхнулся в лодку. Сел и откинулся на борт, как в кресле. В сознании сразу пошли провалы. То увидит, как бежит по боевой тревоге к самолёту. То отдыхает у себя, в землянке, на койке. То с Маняшей и тремя сыно-

вьями — Ильёй, Вадимом и Арсением — бредет через ромашковое поле. Белым-бело в поле от ромашек. Зелёное раздолье с белой пеной. И синее, без облачка, небо над головой. Синее, как глаза у Маняши...

Он знал, что ему уже не суждено увидеть Маняшу. Ни Маняшу, ни сыновей. Он понимал, что обречён. Один-одинёшенек на весь белый свет. Один в огромном море, покрытом сплошной облачностью и морозящим дождём. Один перед прожитой жизнью, перед самим собой, перед неумолимо приближающимся концом. Поглядел на часы. Но они остановились. Видно, в корпус попала вода. Сколько же времени прошло с момента катастрофы? И сколько ему осталось ещё?

Озноб, бывший тело, понемногу утихал. На смену ему медленно надвигалось оцепенение, сонливость. Корнев проваливался в сон, как во что-то тёплое и спасительно-желанное. Но он знал, что это обман, что за сном прячется смерть, что, уснув, он уже не проснётся. И усилием воли он стряхивал коварную сонливость, оглядывался.

Пусто. Всё та же немая, беспросветная серо-зелёная муть. И вдруг неожиданно эта муть наполнялась щебетом птиц, плеском волжской волны, радостными криками сыновей, синью Маняшинных глаз... Корнев с усилием встряхивал тяжёлой, в промокшем шлемофоне головой. Пытался сесть удобнее. Начинал грести. Куда? Никуда. Так. Лишь бы что-то делать, двигаться. Он окунал в воды лопасти вёсел, делал гребок. Лодчонка вихляла, дёргалась из стороны в сторону.

Неожиданно под левое весло попала яркая коробочка в непромокаемой обёртке. Та, что бросили ему, уходя, с борта. В обёртке была пачка сигарет. И плоский пакетик спичек. Белокурая красавица с обворожительной улыбкой протягивала желающим зажжён-

ную спичку. И внизу надпись — короткое немецкое слово, готическим шрифтом.

И только тут Корнев с неистовой жадной до предела понял, что ему сейчас хочется больше всего. Закурить! Сделать последнюю жадную затяжку. Которая сразу успокоит. И успокоит, и согреет. Имел же он такое право: закурить! В последний раз! Рука сама собой потянулась к яркой коробке. Потянулась и отдернулась. Нет, он не имел такого права! Не имел!

Остервенело забив по воде вёслами, он рванул в сторону. Он хотел удрать от ядовитого соблазна. Но удирая, он не удирал. Он кружил на одном месте. Корнев был один в огромном безбрежном море. Один — перед самим собой. Наедине со своей совестью. Никто бы и никогда не узнал, как он поднял ту пачку сигарет. Никто бы и никогда не осудил его. Ведь никто же его не видел! Но поступок человека всегда начинается с мысли, которую никто не видит. Сначала перед самим собой, в мысли. Затем надежда на крепкий щит: ведь никто не видел, никто не узнает. Да и что, в конце концов, особенного, если чуть-чуть?

И человек предаёт самого себя. Прежде всего — самого себя! А дальше... Совесть и стыд — как одежда: чем сильнее она изношена, тем небрежнее к ней относишься.

Лихорадочно шлёпая по воде вёслами, теряя последние силы, Корнев пытался удрать от проклятой пачки сигарет. Ему нестерпимо хотелось курить. Но он презирал и ненавидел фашистов. Он не мог взять их подачку. Он перед самим собой не имел на это право.

В классе стояла такая тишина, точно ребята и дышать перестали.

— Меня случайно подобрала наша подводная лодка, — негромко закончил дед. — Заметили в перископ. Но этого я уже не помню. Был без сознания.

— И так и не закурили? — прошелестело с последней парты.

— Я немного позднее закурил, — поднял глаза дед. — Уже в госпитале. И закурил я не что-нибудь, а нашу советскую махорочку.

Я НЕ ВРУНЬЯ, Я ПРИДУМЩИЦА

В саду, за распахнутым окном ребячьей каморки, отцветала старая вишня. Она походила на белое облако. Очень старая, посаженная еще отцом Фединаго отца, вишня доживала свой век. И быть может, в этом году она цвела столь буйно именно потому, что цвела в последний раз.

Со старой вишни беззвучно опускались крохотные лепестки-парашютики. Они ложились в траву и на подоконник распахнутого окна, на котором стоял полевой походный телефон. И подоконник и телефон всё гуще покрывались сахарно-белым кружевом.

— Красиво как! — вздохнула Люба. — Правда, мальчики, красиво? Будто снег. Нет, правда? Знаете что, — как всегда, без всякого перехода выпалила она, — идёмте лучше купаться. Ну их совсем, ваших солдатиков.

Готовые к схватке пластмассовые армии стояли развернутым фронтом по обе стороны стола-верстака. Они лишь ждали обычных телефонных переговоров и сигнала к началу боя.

Витя давным-давно зарядил пушку красным карандашом. Но со старой вишни за окном тихо опускался парашютный десант. И воевать ни Любе, ни Феде, ни самому Вите почему-то не хотелось. Да и кому, если вдуматься, захочется воевать, когда только-только закончен четвёртый класс и наступила самая замечательная ребячья пора — летние каникулы? И всё же Витя нахмурился, точь-в-точь как дед Коля, и сказал:

— Ладно, Агафончик, начинай давай! Сколько, прямо, ждать можно? Бери трубку и начинай.

В белом облаке вишни гудели пчёлы. Вырываясь из облака, они

тяжёлыми торпедоносцами пронесли у самого окна. В глубине сада постукивал топором Федин папа. По поясу голый, он стоял, широко расставив над бревном ноги, и ритмично взмахивал топором.

«Чвак! Чвак! — приговаривал по дереву топор. — Чвак! Чвак!»

Федя пояснил:

— В горнице у нас совсем потолок прогнулся. Вот батя и острогом гивает лесину. Хочет подпорку сделать.

— Так вам же квартиру обещали, — сказала Люба.

— Угу, — кивнул Федя. — Нам уже давно обещают. Но нам вообще-то не к спеху. Нам и тут нехудо. Мы не торопимся.

— Агафончик! — сказал Витя. — Ты в конце концов будешь начинать или не будешь? Чего ты прямо так и выпрашиваешь в лоб по затылку? Если ты сейчас не начнёшь, то предупреждаю: начинаю без всякого сам.

— Ой! — испуганно вскрикнула Люба и замахала около лица ладошкой. — Ой! Ой!

Только оказалось, Люба испугалась вовсе не Витино предупреждения. По каморке с сердитым гудением закружила пчела.

— Ну, всё! — сказал Витя. — Не хотите — как хотите! Мне надоело! Приготовиться к сбросу торпеды! — закричал он. — Сейчас мы ему всыпем, теники-веники! По транспорту противника! Прицел двадцать четыре! Трубка сорок восемь! Огонь!

Трах-бах! Глаз у Вити что надо! Витя натянул и отпустил пружинку пушки — торпедного аппарата. Красный карандаш-торпеда вошёл в воду и направился точно на транспорт противника. Транспорт у Феде — деревянный пенал. Корабли охранения — спичечные коробки. А вокруг — пластмассовые солдатики.

Красный карандаш-торпеда ударил в пенал, сбил один коробок и завалял набор трёх солдатиков.

— Вражеский транспорт пошёл ко дну! — закричал Витя. — Про-

тивник несёт значительные потери в живой силе и технике! В рядах противника паника!

— Откуда ты взял, что у нас паника? — буркнул Федя, устанавливая завалившихся солдатиков и ставя на место коробок. — И вообще, твой выстрел, Витя, не считается. Потому что это не по-честному.

— Не считается, теники-веники! — вскипел Витя. — Почему это, интересно, не считается? Может, опять чуть-чуть?

— Вовсе совсем не чуть-чуть, — сказал Федя. — Не считается потому, что начинать должна Люба. Она всегда начинает. Ты сам знаешь.

— Да! — заорал Витя. — Почему всегда обязательно должна начинать Люба? Что ты глупости-то придумываешь?! И потом, я её предупреждал! А она чего?

— Так я, Витя, — сказала Люба, — как раз и собиралась говорить по телефону. — Я как раз уже руку протянула. А ты...

— Чего? — удивился Витя. — Когда ты это протянула?

Люба стояла у окна и смотрела на белое облако. Не оборачиваясь, она сказала:

— А вот тогда и протянула.

— Врёшь! — закричал Витя. — Опять ты, Люба, врешь! Ты прямо совсем не можешь, чтобы не врать! Ты играть не хочешь, вот чего! Так возьми прямо и скажи, что не хочешь!

— А ты больно хочешь, — хмыкнула Люба.

— И хочу! — крикнул Витя.

Крикнул. Осёкся. И замолчал.

— Я и вправду, мальчики, не хочу играть в ваших солдатиков, — тихо проговорила Люба, не поворачиваясь от окна. — Идёмте лучше на Волгу. Очень искупаться хочется. Нет, правда, мальчики.

— Я наврал вам сейчас, — буркнул Витя. — Мне тоже не хочется здесь сидеть. И играть в солдатиков мне не хочется. Вернее, немножечко хочется, но купаться ещё больше хочется.

— И мне, — сказал Федя.

— Во, ребята! — воскликнул Витя. — У меня идея! Помните ту полянку над Волгой? Которую дед Коля нашёл. Давайте на ней развёрнём сражение. Во! Прямо в естественных условиях. Пехота маскируется, применяясь к местности. А то, действительно, чего тут на верстаке? Это зимой тут хорошо. Операцию назовём «Оборона водного рубежа».

— На реке купаться можно, — сказала Люба. — Там под самым обрывом пляжик есть. Я сразу приметила. Там сколько влезет купаться можно. Поиграли немножечко — и купаться.

— Точно, и — купаться, — подержал Федя.

Глаза у Любы блеснули хитринкой.

— И я вовсе даже не врунья, мальчики, — шепнула она. — Я просто придумщица. Вот, честное пионерское, просто придумщица. Честное-пречестное!

ШТУЧКА С РУЧКОЙ

С Васей Пчёлкиным ребята встретились недалеко от Дегтярного переуллка, уже когда почти подходили к водоразборной колонке.

— Привет! — окликнул их Вася Пчёлкин. — Как поживает мой телефончик?

Пчёлкин сказал просто «привет», а про «мелочь» и тем более «пузатую» даже не заикнулся. После выступления деда в школе Пчёлкин здорово притих. Кроме того, немалое значение имело и то, что разница, которая совсем недавно была между Пчёлкиным и ребятами, почти исчезла. Вася остался в шестом классе на второй год, а ребята перешли в пятый. Вот и получилось, что они его почти догнали.

— Так махнёмся или не махнёмся? — как равный равным сказал ребятам Вася. — Я вам почестному предлагаю. Целую кучу добра отваливаю вам за вашу рух-

ляндию. Ещё благодарить меня будете.

— Мы теперь, Вася, — сказала Люба, — жевательную резинку и в рот больше не берём. Зачем она нам, твоя жевательная резинка?

— И правильно! — воскликнул Вася. — Какая резинка? Я разве вам предлагаю резинку? Я сам её теперь в рот не беру. Я вам предлагаю за вашу глухонемую, штучку с ручкой новый перочинный ножик с двумя лезвиями — раз, морской ремень с бляхой — два, восемнадцать штук марок про космонавтов — три...

Считая, Вася загибал правой рукой пальцы на левой руке. После третьего пальца он остановился. Видно, запасы, которыми Вася располагал для обмена, у него кончились.

— И ещё плюс ко всему вечный мир и дружбу! — торжественно закончил Вася, сжимая пальцы в кулак. — Четыре и пять.

— Вовсе у нас не глухонемая, — обиженно сказала ему Люба, поправляя на плече санитарную сумку. — Чего ты к нам пристал? Если бы у нас, Вася, был второй такой аппарат, мы бы тебе живенько доказали.

— Второй! — хмыкнул Вася. — Если бы да кабы, то во рту росли грибы. Хотите, я принесу из дома мясорубку, и попробуем. Чем моя мясорубка хуже вашего телефончика? За ручку крути, в рупор кричи и полный порядок. Подсоединим вашу штучку с ручкой к моей мясорубке и поговорим. Идёт?

НОВОЕ СЕКРЕТНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Наигравшись в войну, ребята лежали на животах на своей полянке. Смотрели с края обрыва на Волгу. Играть больше не хотелось, купаться — тоже.

По Волге проносились на подводных крыльях «Метеоры» и «Ракеты», которые ходят строго по

расписанию и кё дожидаются на пристани опоздавших пассажиров. Лениво тянулись баржи, подталкиваемые сзади работягами-буксирами. Тарахтели вдоль берега моторки.

Над рекой чёрными точками мельтешили ласточки. Они то взмывали ввысь, то падали к самой реке, тонко вскрикивали, закладывали, будто воздушные акробаты, виражи. Ласточкины гнёзднорки темнели в песчаной стене обрыва. Как раз под ребятами. Прикрытые свисающими корнями сосен, норки надёжно прятались от чужого глаза.

Лежа на животах и свесив с козырька-обрыва головы, ребята смотрели, как ласточки кормят своих детишек. Мелькнёт чёрной стрелой ласточка, юркнет между корнями и — к норке. А оттуда тянутся, разевают ненасытные жёлтые рты прожорливые птенцы.

«Пи! Пи! Пи!» — жадно тянутся они к маме.

Мама, наверное, знает, кому нужно дать сейчас, а кто может потерпеть. Приткнётся ласточка снизу гнезда, хвост-рогулька — на песчаной стене. Сунет в распахнутый жёлтый рот плоский клюв. Вытащит. Головкой — туда-сюда. На груди у мамы словно белая машишка. А спинка чёрная, с синим отливом.

Чирк! И нету ласточки. Умчалась гоняться над Волгой за мошьяками да мошками. Все ласточки похожи одна на другую — не отличишь. Белые грудки, чёрные спинки. А ведь есть, наверное, разные ласточки — и хорошие, и плохие. Одна поступает так, другая иначе. Как узнать, какая из них права, а какая — нет?

Та ласточка, с которой стряслась беда, была как все. Она сунула в рот птенцу клюв, крутнула головой, скользнула между корнями, взмыла в голубой простор и...

Витя с Федей лишь задрогнули. А Люба закричала:

— Что же он сделал, гадкий?!

Мерзкий, гадкий, противный? Что же вы лежите мальчики?

А что могли сделать мальчики? Чем они могли помочь? Откуда-то из поднебесья на юркую ласточку камнем упал ястреб. Мгновение, и маленькое, чёрное с белым тельце оказалось в хищных когтях. Взмах сильных крыльев, и ястреб плавно унёс свою добычу куда-то вверх.

— Они теперь умрут без мамы, — захлопала носом Люба. — Бедные птенчики. Целых три птенчика. Правда, мальчики, они теперь умрут без мамы? Правда, мальчики?

В зыбком от жары мареве дрожала пятиглавая церквушка на том берегу Волги. Плыли в волнах горячего воздуха далёкие поля. А внизу, под обрывом, высывали из тёмной норы ненасытные жёлтые клювы осиротевшие ласточкины дети.

— Не умрут они, Люба, твои птенчики, — просопел Федя. — Не бойся.

Он зачем-то посмотрел на небо, сел и стал расшнуровывать кеды.

— Хочешь попробовать их достать? — с сомнением спросил Витя.

— Ой, молодцы, мальчишки! — обрадовалась Люба. — Мы их сами выкормим. Самыми вкусными мошками. Правда, мальчики, выкормим? А когда у них окрепнут крылышки, выпустим. Правда, мальчики, выпустим? Пусть себе летят. Правда?

— Ничего мы их не выпустим, — прогудел Федя. Он снял кеды и стал примериваться, по какому корню лучше спуститься. — Если их оттуда забрать, они всё равно не выживут. Я их по чужим гнёздам рассажу. По одному чужому рту в доме, никто ничего и не заметит.

Спускался Федя серьёзно и основательно. Витя немного помог ему. Перебирая руками по толстому корню, как по канату, Федя упирался босыми ногами в песча-

ную стенку. Особой опасности, если и сорвёшься, не было. Высота, правда, метров пять. Но обрыв — с откосом. Шлёпнешься на песок и скатишься под горку к самой воде.

Добравшись до гнезда, Федя запустил в него левую руку. И сообщил наверх:

— Ещё кусаются, дураки такие.

Вокруг с криками шныряли ласточки, волновались за свои гнёзда.

— Сейчас, сейчас, — приговаривал Федя, рассовывая по норкам птенцов.

Рассовав, понял, что наверх ему уже не подняться. Не хватит сил. Чтобы не признаваться в этом, крикнул:

— Внимание! Знаменитый прыжок знаменитого прыгуна! Сальто-мортале замотали!

Крикнул, но не прыгнул. Что-то помешало ему. Наверное, большая высота. Перебирая руками по корневищу, Федя спустился пониже. Ноги упирались в песчаную стенку. Посмотрел наверх:

— Эй там, на палубе! Спешите видеть! Показывается один раз! Алец!

То, что произошло дальше, показалось настолько невероятным, что Витя с Любой сами чуть не скатились с обрыва. Крикнув «Алец», Федя как-то странно дёрнулся и пропал. Федя исчез, Феде не стало, будто его никогда и не существовало.

Покачивался опустевший корень, на котором только что висел Федя. Вниз по крутому склону катились, перегоняя друг друга, затвердевшие комки песка. А Феде не было. Феде не было ни на корне, ни под обрывом, ни на берегу, ни в воздухе. Феде не было нигде. Федя точно провалился под землю. Как вскоре выяснилось, Федя и впрямь провалился под землю. Он крикнул «Алец!», оттолкнулся ногами от песчаной стены и неожиданно для самого себя полетел не под обрыв, а куда-то в мягкую темень.

— Федя! — кричали сверху перепуганные Витя с Любой. — Куда ты подевался, Федя?!

— Да здесь я, — отозвался наконец Федя, высовывая голову из песчаной стены. — Ну, пещерка тут мировецкая. Ребята! Вот где мы устроим наше секретное убежище. Слышите меня? Здесь! Будет ничуть не хуже, чем в каморке. И не нужно таскать солдатиков туда-обратно. И никто в мире не догадается, что у нас тут есть. Во!

Замечательные открытия нередко приходят в самый последний момент, когда положение кажется совершенно безвыходным. У ребят положение было — куда уж хуже! Федины родители получили ордер на квартиру и уже ездили смотреть её. Квартира Прохоровым понравилась, хотя после просторного дома была и тесновата. Выходило, что ещё немного, и Федин дом снесут. Прощай, значит, удобная каморка! А куда девать свои сокровища? И вдруг, пожалуйста, — вместо старой полутёмной комнатёнки великолепное новое секретное хранилище. Под самой поляной! В пещере!

Целую неделю ребята трудились с утра до вечера. Пещеру немного расширили, выровняли в ней пол, сделали в стенах углубления-ниши. И соорудили лестницу, чтобы забираться в хранилище. Раздобыли крепких бельевых верёвок и соорудили из них лестницу. На ступеньки пошли палочки от ящиков, что насобирали у мебельного магазина. Лестницу привязали к перекладине, прочно прикреплённой на полу поперёк пещеры.

Утром Федя или Витя спускались с полянки по сосновому корневищу и сбрасывали под обрыв верёвочную лестницу. По ней залезали с пляжа остальные. И лестницу после этого убирали снова в пещеру. Как всё равно в книге Жюль Верна «Таинственный остров».

Великая тишина застыла над Волгой. В зеркальной от безветрия сини воды плавилось золото

солнца. Простучит моторка вдоль берега и утихнет, словно уснёт. Гуднёт басовито трудяга-буксир. Пропоёт моторами белоснежный красавец «Метеор», вспорет острыми крыльями синюю гладь. И снова немая, удивительная тишина.

Из ребячьей пещеры видно, как на том берегу идёт сенокос. Людей не различить, — меньше муравьишек. Но тишина такая удивительная, что оттуда доносит песню.

Девчата поют. Хором. Помахивают граблями и поют. На Руси испокон века песня помогала работе. Слов песни, что доносится из заречной дали, почти не разобрать. Но песня знакомая, и слова легко угадываются сами.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Как мы уже сообщали, повесть «Чуть-чуть считается» будет полностью опубликована издательством «Детская литература».

Евгений ШЕНДРИК

Рис. Н. Нефёдова

Опавший лист

*Подарил мне старый клён
жёлтую перчатку,
положу её потом
в синюю тетрадку.*

*До свиданья, добрый клён,
до весенней встречи.
Задувает зимний сон
на берёзах свечи.*

СЕКРЕТНЫЙ ГРУЗ

ВАГОН освещался тремя висячими фонарями. На ходу вагон подпрыгивал, трясся, как в ознобе. И при каждом толчке пламя свечи в фонаре дёргалось, скакало, то почти гасло, то взвивалось к самой крыше. От этих трёх фонарей по всему вагону суматошно мельтешили трепетные тени, причудливые, как во сне.

На всех полках спали, лёжа и сидя, пассажиры. Шелгунов лежал внизу. Напротив него устроилась немолодая женщина с ребёнком. На верхней полке тяжело, с клёкотом, словно его душили, храпел тощий старик.

Шелгунов дремал. Иногда он приоткрывал глаза и тотчас глядел на полку, на которой лежала тётка с ребёнком. Два больших тюка, обшитых полосатой холстиной, покоились под полкой. Это были тюки Шелгунова.

Осторожность никогда не мешает. В случае чего можно и отпереться: не мои, мол, тюки, и знать их не знаю... Тюки были большие, тяжёлые. Один — пудов на пять, другой — пуда на три. В них лежали пачки листовок, брошюр и «Искры». У тюков вид был вполне домашний, семейный. Будто перебирается человек в другой город. Вот и везёт постель, одежду, всякое барахлишко.

Конечно, если полиция заподозрит неладное, с таким тюком не убежишь. Но Шелгунов заранее приготовился: если поймают, он скажет, что нашёл тюк в поезде. Кто-то забыл, а он подобрал. Не пропадать же добру. Наивно, конечно. В полиции — народ тёртый, не поверят. Ну да всё равно. Пусть не верят.

Шелгунов усмехнулся: «А я буду долбить своё: нашёл и всё. Нашёл — и конец». Уж типографию-то он не провалит. Нет. Нашёл — и всё...

...Шелгунов ехал долго. Путь из Баку до Ростова немалый. А поезд плетётся, будто из последних сил. Будто вот-вот выдохнется и совсем остановится посреди пустынного поля.

До Ростова добрался благополучно.

Правда, в поезде какой-то невысокий господин в коричневом пальто с короткими, щёткой, усиками и широким утиным носом раза три прошёл мимо той полки, где лежал Шелгунов. Но возле Шелгунова не задерживался, в разговоры не лез. Шелгунов поначалу встревожился, однако господин в коричневом пальто больше не появлялся, и Василий Андреевич постепенно успокоился.

Оказавшись на перроне в Ростове, Шелгунов вдруг заметил, как среди пассажиров, покинувших поезд, мимо него прошагал и господин с короткими усиками. Он прошёл мимо Шелгунова, вовсе не глядя на него. Вот это-то и не понравилось Шелгунову. Похоже, что господин в коричневом пальто нарочно не глядит в эту сторону, словно всячески показывает, что Шелгунов его нисколько не интересуется.

«Скверно», — подумал Шелгунов.

Вероятно, самое правильное было оставить прямо здесь, на перроне, тяжёлые тюки, а самому попробовать улизнуть. Шпик, конечно, подумает, что Шелгунов лишь на время отлучился. Шпик будет держать под своим наблюдением тюки. Пока он сообразит, что к чему, можно ускользнуть.

Да, вероятно, это было самое правильное. Но уж больно жалко вот так, вдруг бросить два огромных тюка. Тысячи листовок, брошюр, газет.

А может, всё это лишь нервочки? Может, господин с усиками вовсе и не шпик? Ну, прошёл три раза мимо полки, эка важность! Ну, не поглядел сюда. Подумаешь! А почему он обязан сюда смотреть? Шелгунов сел на скамейку. Тут же на земле лежали, прислонённые к металлической ограде перрона, два тюка. Он сидел, словно отдыхал. И думал. Нет, ускользнуть с тюками, конечно, не удастся. Если шпик засёк их — не удастся. Но... повременим. Бросить ещё успеем. А пока — жалко, чертовски обидно бросать.

Украдкой Шелгунов посматривал по сторонам. Господина в коричневом пальто не видать. Впрочем, что он, дурень?! Конечно, укрылся где-нибудь и оттуда тайком наблюдает.

Да, история...

Шелгунов встал, взвалил тюк на плечо. Что-то, а силёнка у него имелась. Пятипудовый тюк поднял легко. И так же легко зашагал по перрону. Вошёл в вокзал, разыскал камеру хранения. У дверей бросил тюк на пол. Будто устал. Вытер рукавом лоб. Осмотрелся. Нет, господина с усами не видеть.

Шелгунов прошёл в камеру, сдал багаж на хранение. Неторопливо сунул в карман сдачу, спрятал жетон. Так же неторопливо вышел на перрон. Вдали возле скамейки лежал второй тюк. Шелгунов поднял его, вышел на привокзальную площадь. Крикнул извозчика. Укладывая тюк в пролетку, оглянулся.

Господина в коричневом пальто не было.

Пролётка понеслась, Шелгунов то и дело поглядывал назад: не увязался ли за ним другой извозчик? Нет, сзади никто не ехал. Но всё-таки он заставил извозчика поколесить по Ростову. У него был адрес, куда следовало сдать литературу. Но ехать туда Шелгунов поостерёлся.

В одном из переулков остановил извозчика, рассчитался с ним и выгрузил тюк прямо на тротуар. Стоял тут долго, будто ждал кого-то. Ничего подозрительного. Взял другого извозчика. Снова покружил по городу и, наконец, отвёз груз по назначению.

Вскоре, всем телом ощущая приятную легкость, вышел на улицу. Тюк всё время, даже лёжа под полкой в вагоне, словно бы давил на плечи. Шелгунов неторопливо шагал по улице. Увидел вывеску: «Трактир „ВЕНА“». Ну что же. Годится.

Зашёл, разделся. Вдруг почувствовал, что очень голоден. Ещё бы! С этими тюками так захопотался, — не помнит, когда и ел.

Обедая, Шелгунов думал: «А второй?.. Что делать со вторым тюком?» Вообще-то, его следовало доставить в Харьков. Но соваться в камеру хранения не хотелось. А вдруг там уже распотрошили тюк? И ждут его? Эх, обидно! Не сообразил — ведь там большой, пятипудовый. Надо бы наоборот: трёхпудовый — в камеру, а пятипудовый адресату. Уж если пропадёт, так меньший. Да, недоучёл.

Он ел, а сам всё думал, думал. Конечно, благоразумнее не лезть в капкан. А впрочем... Существует ли он, этот капкан? Наконец он придумал. Вышел из трактира, не спеша, словно гуляя, направился к вокзалу. В привокзальном садике подозвал здорового парня.

— Заработать хочешь?

Парень только ухмыльнулся: мол, наивный вопрос. Шелгунов дал ему жетон камеры хранения. Велел взять тюк и доставить к трактиру «Вена». Издали Шелгунов наблюдал за парнем. Вот тот прошёл через площадь, вошёл в здание вокзала. Ну? Задержат? Парень что-то долго не показывался. «Может, очередь?» — успокаивал себя Шелгунов.

А парня всё не было. «Плохо», — решил Шелгунов. Уже хотел уходить, как парень вдруг вышел. На плече — тюк. По-прежнему зашит холстиной, обвязан верёвкой. Кажется, не тронут. Парень сел на извозчика. Уехал. Шелгунов поглядел вокруг. Ничего подозрительного. Хотел уже выйти из садика, ехать в трактир «Вена», но вдруг...

Тяжёлая вокзальная дверь чуточку приоткрылась, и на ступени выскользнул невысокий господин. Да, сомнений быть не могло. Коричневое пальто... Короткие, щёткой, усы. Вслед за ним вышел молодой мужчина. Он был в штатском, но в каждом движении его чувствовалась военная выправка. Они торопливо кликнули извозчика и умчались.

«Так... В трактир понеслись», — покачал головой Шелгунов. Его вдруг охватила безмерная усталость. Казалось, нет сил даже выйти из садика.

Он снова опустился на скамейку. Так вот сидел бы и сидел... «Ну, ну... Ты эти нежности брось... Не барышня», — мысленно прикрикнул он на себя. А голову стягивал какой-то обруч. Всё ту же, ту же... «Не приступ ли? Вот уж не вовремя!» — мелькнуло у Шелгунова. И тотчас — будто с маху косою полоснуло по глазам. Ослепительная вспышка. И сразу — густой туман...

Так всегда начинается приступ. «Сиди, — сказал себе Шелгунов. — Сиди. Ты же знаешь, это пройдёт». Да, раньше это всегда постепенно проходило. А сейчас? Доктора же предупреждали. Какой-то из этих приступов может оказаться роковым. Но Шелгунов старался не думать об этом. «Сиди. Это пройдёт! Пройдёт!» — как заклинание твердил он себе.

А боль не проходила. А перед глазами — стена. Чёрная стена. Словно он не в саду — в мрачном погребе. Ни малейшей щёлочки, ни просвета. Так он сидел долго. Сколько — он не знал. Может, час. А может, и два.

Постепенно боль стала затухать. Она отступала; сперва от затылка, потом — от висков. Отступала медленно, словно бы нехотя. И перед глазами — уже не сплошная чёрная стена. В мутной серой мгле Шелгунов с трудом, но всё же стал различать: вот — ствол дерева, а вот — какой-то куст, тёмный, словно из фанеры.

Так он сидел ещё долго.

«Ну, хватит», — наконец приказал он себе. В висках еще покалывало. Словно острые иголки впивались.

«Ладно, ладно, — сказал он себе. — Считаю, всё уже в порядке». Теперь надо было возвращаться в Баку. В Харьков ехать, конечно, уже ни к чему. Но идти в кассу, брать билет, и тут, в Ростове, садиться в поезд было опасно. А вдруг ждут? Вполне возможно... «Пойду на базар, — решил он. — Туда всегда съезжаются мужики из соседних сёл и деревень. Попрошусь к кому-нибудь на телегу, выеду

из Ростова, а там на какой-нибудь мелкой станции сяду в поезд», — решил Шелгунов.

Так он и сделал.

Первый же мужичок взял его охотно. Возвращался мужик с базара пустой, всё распродал, чего же не взять седока-попутника? И ехать веселей, а заодно и лишний рубль не помешает.

Шелгунов лежал на тряской телеге, усыпанной шелухой от лука.

«Да, один тюк пропал, — думал он. — обидно... Конечно, обидно. А всё-таки особенно огорчаться нечего. Главное — что? Главное — сам он не попался, он обманул шпика, скрылся. И никаких следов не оставил. Ну потащит этот шпик парня к своему начальству. Ну и что? А парень знать ничего не знает. Велел какой-то незнакомец получить багаж — вот и всё.

Да, небогатый будет улов у жандармов!

А тюк — это, конечно, обидно. Но ведь «Нина»-то на полном ходу». Шелгунов прикрыл глаза. И тотчас увидел, как из печатной машины лёгким белым водопадом струятся листовки. Десятки, сотни, тысячи листовок.

Это — главное. «Нину» он не подвёл. И тропинки к ней никому постороннему не проложил. А тюк... Ну что ж. Дело поправимое. Вот он приедет, недельку-другую отдохнёт, запакует опять тюки и снова в путь...

Михаил ЯСНОВ

Привет тебе, синица!

*Привет тебе, синица!
Ответь мне на вопрос:
Ну что тебе не спится
В такой большой мороз?
Залезла бы на печку,
Спала себе весь день.
Неужто по крылечку
Скакать тебе не лень?
— Вот глупый человечек, —
Синица мне в ответ. —
Ни спален и ни печек
В гнезде синичьем нет.
Нам некогда лениться,
Недаром, с давних пор,
Мала, твердят синица,
Да коготок востёр.*

Рис. В. Адаева

БРОДЯГА

«Ля, ля, ля!» — окрик повторился, и упряжка из восьми собак остановилась у чёрного камня.

С нарты сошёл охотник Никита Анорин — коренастый широкоплечий старик с русой бородой, прошитой серебристыми жилками. Он посмотрел на Баренцево море, достал из кармана трубку, сделанную из моржового клыка, кيسет с табаком, закурил и стал поправлять на собаках упряжь.

Никита был не в духе: сердито ворчал на собак, не ласкал их, как всегда, не разговаривал с ними. Дёрнув за лямку вожака, по кличке Бродяга, с раздражением произнёс:

— Что, опять бежишь и поглядываешь? Долго ли я за тобой ходить буду? А?

Бродяга, чувствуя за собой вину, потупил морду и недовольно шевельнул хвостом. За скалистым новоземельским хребтом, в десятках километров отсюда, была его родина. Когда у Никиты при перевозке военного груза погиб в пургу передовой, команда батареей подарила старику из своей упряжки лучшего во-

жака. Бродяга и по сей день никак не может забыть своих прежних хозяев. Как Никита его ни ласкал, ни ухаживал за ним, — ничего не помогало. При первом же удобном случае Бродяга перегрызал лямки, верёвки и убегал. Давно бы уж Никита сменил вожака, да кем? Разве можно держать такую собаку? Если всё время убегать будет, что с промыслом получится? Пропал промысел! А песцы нужны. Война ведь. Враг озверел, дрогнул, попятился, зубами вцепился в захваченное, страну грабит, сжигает города, деревни, заводы. Гнать надо врага! Помогать армии надо. А каждый песец — это винтовка, пулемёт, граната!

Всех собак, кроме Бродяги, не выпрягая, он к камню привязал близ Чёрного мыса, за которым в бухте находилась полярная станция. Бродягу же выпряг, к другому камню отвёл, подтянул потуже ошейник, посадил на цепь.

Можно теперь и участок обойти. Карабин с собой взял: не хитро и белого медведя встретить.

Мелкий, недавно выпавший снег хорошо рассказывал Никите обо всём, что произошло за время его отсутствия.

— Есть песец! — поглаживая борodu, улыбался Никита. Много следов петляло вокруг.

Старик прикидывал, сколько понадобится завезти сюда мяса нерпы для приманки, где лучше поставить кашканы. Он осматривал все низины, впадины и хотел уже завернуть к Гольцовой речке, как вдруг вдали, у сопки и валунов, заметил движущиеся фигуры. Бинобль увеличил их. Осторожно переступая по камням, они двигались по берегу моря навстречу Анорину. Без труда можно было определить, что это солдаты. Кто бы это мог быть? Старик несколько раз то опускал бинобль, то принимал к нему снова.

«Немцы! — кольнула неожиданная мысль. — В бухту идут, к станции».

На мгновение старик растерялся. Опять! В заливе Кармакулы рацию сожгли, в заливе Благополучия тоже, на Мысе Желания рацию обстреляли, теперь сюда идут... Бросив

взгляд на море, он увидел в островах акулу — подводную лодку. Она лениво переваливалась на морской зыби, хищно поводила носом.

Больше ждать было нечего. Скорее назад, к упряжке! И стрелой на батарею!

За каменной грядой вдоль берега тянулась глубокая изогнутая ложина. По ней можно было пройти незаметно. Только сколько же это займёт времени? В три раза длиннее путь! Нет, не годится. Старик решил бежать к нарте ближним путём, хоть и на виду, зато по ровному месту. Не более двухсот метров! Десять — пятнадцать минут — и он в нарте. Пока фашисты минуют сопки, переберутся через глубокий овраг, он уже будет на пути к батарее!

Никита подтянул голенища пер皮чьих пимов. Полы оленьей малицы заткнул за ремень.

И тут донёсся треск автоматов. И почти одновременно с ним воздух разрезал лай собак.

— По упряжке бьют! — ахнул старик. Он видел, как собаки метались возле камней, прыгали на них, сползали, путались в лямках и протяжно выли.

Вскоре пули стали ложиться и возле Анорина. Ударились о камни, падая в снег.

Никита уже не шёл, а бежал. Пули свистели над его головой, тонко пели, но старик, пригнувшись, кидался то вправо, то влево и продолжал бежать. Только бы скорее добраться до нарты.

Вот уже осталось позади тридцать, пятьдесят, сто метров. Всё яснее и отчётливее выступали впереди россыпи, каменные глыбы, оторвавшиеся от прибрежных скал. Они уже росли, ширились, надвигались на Анорина. Но всё чаще становилось

дыхание, сильнее стучало в висках. Старик чувствовал, что силы его оставляют. Всем телом подался вперёд и, словно споткнувшись, упал.

Стрельба прекратилась. Переползая от одного камня к другому, Анорин медленно приближался к упряжке. Собаки не встречали его, как раньше, дружным, весёлым лаем. Одни из них были убиты, другие, раненные насмерть, тихо повизгивали на снегу.

Немного отдышавшись, старик приподнялся, сел на нарту. Его губы вздрагивали, глаза слезились.

Неожиданно до его слуха донёсся лягз железа, и сразу же из-за камня высунулась голова Бродяги. Никита совсем забыл, что вожак сидел на цепи за другим камнем, который спас его от пуль.

Никита горько улыбнулся:

— Эх, Бродяга, кому ты сейчас нужен, один-то...

И словно вдруг вспомнил о чём-то, очнулся. Снял с руки меховую руковицу, достал записную книжку, вырвал листок, написал: «Чёрный мыс. Немцы!» Опираясь на карабин, как на костыль, он добрался до жока, привязал к ошейнику кисет с запиской и спустил собаку с цепи:

— Беги, Бродяга! На батарею пошёл! На батарею!

Получив свободу, Бродяга отбежал в сторону, остановился, недоумевающе посмотрел на хозяина, тявкнул, словно спрашивая, не ошибся ли он. Разве не попадало ему за эту батарею? Но на повторный окрик Никиты Бродяга круто развернулся и помчался в сторону горного перевала. Не прошло и пяти минут, как собака уже достигла гребня и потерялась из виду. Никита посмотрел в сторону десантников. Их было человек сорок. Они медленно двига-

лись по берегу к Чёрному мысу. Иногда останавливались, что-то рассматривали на снегу.

«А пожалуй, на след нападут,— подумал Анорин.— Лучше спрятаться, а там видно будет».

Никита стал карабкаться по откосу вверх, к серым, лишённым снега россыпям. Там, среди голых камней и оползней, найти его будет трудно.

Между нагромождённых сланцевых плит зияла глубокая ниша вроде пещеры. Никита залез в неё, примостился на камне. Из укрытия хорошо было видно подводную лодку и десантников-автоматчиков.

Прошло не более получаса, как Бродяга скрылся за горой, а время показалось Анорину долгими часами. Он беспрерывно поглядывал на седловину, словно оттуда собака должна была вернуться с ответом. Всё больше и больше начинало тревожить сомнение: хорошо ли привязал кисет с запиской к ошейнику? Не сорвался ли кисет, зацепившись где-нибудь за острый камень? А может быть, вместо батареи вожак

свернул за перевалом в ущелье и убежал в зимовье? С ним это иногда случалось.

Размышляя, Никита не заметил, как подводная лодка, выйдя из-за островов, направилась вслед за десантниками к Чёрному мысу. А мыс совсем уже рядом, рукой подать. Вот он, высокий, с огромной скалой на конце.

«Уйдут ведь, скроются за скалой,— как огнём обожгло старика.— За мыс уйдут, в бухту, а в бухте станция, радисты...»

— Не пропущу гадов, не пропущу! Вон отсюда, вон! — вспыхнул Никита. Приподнявшись, встал на колени, всунул в карабин обойму, приложился и выстрелил в десантников. Затем ещё раз выстрелил, ещё, ещё...

— Вот вам, вот, вот! Получайте,— сдавленным голосом бормотал Никита. Немцы всполошились, бросились в каменные россыпи. Залегли, притаились. Опомнившись, открыли стрельбу по пещере, где сидел Анорин. Пули дробили, крошили, отлетев, зло бунчали, как потревожен-

ные шмели. Анорин вылез из пещеры через заднюю трещину и попластунски, ползком перебрался метров за двести к другому укрытию. Он вновь стал обстреливать немцев. Десантники, решив, что по ним стреляет не один человек и не из одной засады, всполошились и, пригнувшись, повернули обратно. Подводная лодка замедлила ход, остановилась. Старика это радовало: враг задержан. Вот только бы помощь поскорее! А вдруг да не будет? Что тогда?

— Стрелять по врагу до последнего патрона, — тряхнув головой, вслух произнёс Никита.

Но какая-то крупинка надежды на помощь ещё теплилась в сердце. Его взгляд скользнул по горной седловине, за которой скрылся Бродяга. Еле заметный тёмный предмет быстро перекатился через горный

перевал и стремительно понёсся к морю. Не успел Анорин сообразить, что бы это могло быть, как предмет превратился в самолёт.

Минутою позже бомбардировщик уже сбрасывал смертоносный груз на подводную лодку, на шлюпки десантников.

— Так их, так! — хрипло кричал Никита, размахивая карабином. Он бежал под откос, спотыкался, падал, вскакивал и стрелял в автоматчиков, метавшихся по каменным россыпям. Скрючив больную ногу, старик прыгал на здоровой и всё кричал и бежал к Чёрному мысу, где от взрывов бомб взлетали в воздух вместе с немцами валуны, камни, щебень, глыбы земли, обломки подводной лодки.

Рис. В. Адаева

Александр ФЕНЁВ

Физическая география

Пенкин Геня — просто гений!..

Как-то раз спросили Геню:

— Пенкин! Почему короче дни зимой, а летом — ночи?..

— Потому, — ответил Геня, —

Это получается,

Что всегда от охлаждения

Все тела сжимаются.

И в мороз, и в стужу дни

Замерзают очень,

А поэтому они

И короче ночи...

А когда весной дни

Солнцем нагреваются,

То, нагретые, они

Очень расширяются,

И, расширенные очень,

Эти дни сжимают ночи...

Потому вот и короче

Дни зимой, а летом — ночи!

Рис. Ю. Михайлова

ОДИН из выдающихся деятелей Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства — Михаил Иванович Калинин был верным учеником и соратником Ленина. Познав тяжёлую нужду в детстве и юности, он рано начал революционную деятельность. В 1898 году он вступил в РСДРП и с этих пор активно борется за проведение ленинской политической линии. В начале века он руководил забастовками на Путиловском заводе, участвовал в подготовке революции 1905 года. М. И. Калинина неоднократно арестовывали и высылали из Петербурга.

В годы реакции (1910—1912 гг.) Михаил Иванович неустанно укреплял подпольные партийные организации в Москве, Миуссе и, конечно, в столице империи.

В период Октябрьской революции

М. И. Калинин выполнял важные поручения ЦК партии.

А затем (наверное, мало кто помнит) М. И. Калинин стал первым советским мэром Петрограда.

В 1919 году после смерти Я. М. Свердлова он избирается председателем ВЦИК, позже председателем Верховного Совета СССР и на этом посту остаётся до конца жизни.

Он был любим всеми. Для юных пионеров страны М. И. Калинин был как бы совсем родным человеком. Они так и называли его уважительно — пионерский дедушка.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения М. И. Калинина.

И мы помещаем сегодня воспоминания о нём одного из первых пионеров — Л. Подвойского.

Л. ПОДВОЙСКИЙ

Рисунок Ю. Иванова

В ПРИЁМНОЙ КАЛИНИНА

ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ были тогда не в школах, а при клубах взрослых. Наш отряд помещался в клубе сотрудников ЦК партии. В отряд ходило много детей старых большевиков, и сами старые большевики, бывало, заглядывали к нам вечером на сборы звеньев.

— По дороге зайду в клуб, посмотрю, как смена растёт, — говорили коммунисты.

У каждого звена были почётные пионеры. У первого, старших ребят, — «Октябрятская революция» — А. И. Елизарова-Ульянова. У второго звена, «Парижская коммуна», — старая большевичка Д. Стасова. У звена «Красная армия» — автор песни «Как родная меня мать провожала» пролетарский поэт Демьян Бедный. А у четвертого звена бывших октябрят «Долой неграмотность» почётного пионера ещё не было. В звено только что приняли двух девочек с ласковыми прозвищами Муха и Мышка. Девочки очень дружили между собой, хотя были совсем разные. Муха, черноглазая, розовощёкая, за словом в карман не лезла. Про её худенькую белобрысую подругу говорили: «Мышка тише воды, ниже травы».

Тот 1929 год шёл по стране как пионерский. Председателем комиссии содействия слёту был всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Об этом нам рассказал секретарь центрального штаба слёта бывший вожатый отряда Виктор Усватов.

— Мы изберём Михаила Ивановича Калинина почётным пионером звена! — тут же громогласно объявила решительная Муха и замахала своими длинными ресницами над чёрными глазами.

— Обязательно выберем, — поддакнула ей скромная Мышка.

— Так тебе и явился Михаил Иванович на сбор вашего малышового звена. Мелко плаваετε, — сказал Роба Поговский. Он

был ужасно важный, как горнист отряда и потому, что в трёхлетнем возрасте в 1917 году ехал с Лениным из Швейцарии в Россию.

— Правда ли, что Калинин к детям не ходит? — спросила Муха.

— У Калинина много важных государственных дел, — объяснил Витя. — Но он находит время решать и пионерские дела.

— Только во всесоюзном масштабе! — тут же добавил Робка.

Витя рассказал, что к М. И. Калинин у часто заходит председатель центрального штаба слёта член ЦК комсомола Нюра Северьянова. Её пропускают к нему без очереди.

«Разумеется, малышей пионеров к Калинин не пропустят», — думали мы тогда. А вышло не по-нашему предположению, а по Мухину хотению.

Несколько вечеров Муха и Мышка ходили по клубу как заговорщицы. Они что-то сочиняли на ходу. Потом мы узнали: девочки написали письмо. Они писали большими печатными буквами, как в стенгазете, только с ошибками.

«МСКВА. КРЕМЛЬ. ТАВАРИЩУ КАЛИНИНУ. ДАРАГОЙ ДЯДЯ КАЛИНИН ЗАПИШИ НАС НА ПРИЁМ ПО ВАЖНОМУ ГАСУДАРСТВЕННОМУ ВАПРОСУ. МУХА И МЫШКА».

Телефон в письме был указан мой, как вожатого отряда. Через два дня мне позвонили из приёмной Калинина. Девочек завтра после школы приглашали на приём.

— Адрес известен? — спросил строгий женский голос.

— Конечно, — не задумываясь ответил я,

Кто из москвичей, да и из приезжих тоже, не знал приёмную Калинина против Троицких ворот Кремля! Сюда приезжали бородатые крестьяне-ходоки, приходили усатые делегаты-рабочие, записывались на приём важные учёные в роговых очках.

— Как, товарищи, пропустим пионеров без очереди? — спросил у посетителей дежурный в полувоенной форме.

— Так вот вы какие Муха и Мышка?! — подняв очки в простой железной оправе на лоб, смотрел на девочек Калинин.

Он усадил их в высокие кресла у большого председательского стола и, поглаживая знаменитую бородку клинышком, строго спросил, нарочно акая, подчёркивая ошибки в письме:

— Какой же у вас очередной «гасударственный вапрос» ко мне? Ну-ка?

Мышка со страха чуть не упала с высокого стула.

— Мы хотим, дядя Калинин, избрать вас почётным пионером четвёртого звена сто шестнадцатого отряда Замоскворецкого района города Москвы. Явка на сбор обязательна! — заявила бесстрашная Муха.

Теперь со стула, только не от страха, а от смеха, чуть не свалился Калинин.

— Только-то всего?! — утирая платком слёзы, спросил он. — Я думал, вы, по крайней мере, попросите передать пионерскому отряду шоколадную фабрику «Красный Октябрь», куда пионеры так любят ходить на экскурсию.

— Фабрику нам не надо. Мы не собственники, — серьёзно сказала Муха. — Пусть она к пионерскому слёту вкусные подарки сделает.

— А какие ещё подарки к слёту пионеры от государства ждут? — обратился к Мухе Калинин. Бойкая девочка с пушистыми ресницами явно ему понравилась.

— Дворцы пионеров. Детские стадионы. Детские книги. Детское кино, — начала перечислять Муха.

— Главное, школ побольше построить, особенно в деревне, — говорил с девочками, как со взрослыми, Калинин. — Пока половина деревенских ребят не имеет возможности в школу ходить.

— Я знаю, почему вы так говорите, — перебила Калинина Муха. — Вы председатель общества «Долой неграмотность».

— Откуда тебе это известно? — улыбнулся Михаил Иванович.

— А наше звено «Долой неграмотность» называется. Мы всё должны знать. И потом мы теперь вместе «Мурзилку», «Пионер» читаем. Мы большие, — сказала Муха.

— Она даже с моим дедушкой ликбезом занимается, — поддакнула Мышка.

— Молодец! В нашей стране все должны быть грамотные. И малые, и большие. Только ты сама ошибок в письме не делай, — погрозил пальцем Михаил Иванович.

— Вы много поговорок знаете, дядя Калинин? — не смущаясь, задала вопрос Муха.

— Много. Я даже такую поговорку знаю: «Кончил дело, гуляй смело», — опять улыбнулся Михаил Иванович.

— Так давайте дело кончать! — тут же предложила Муха. — Когда приедете к нам в отряд?

Калинин во второй раз громко расхохотался. Потом он придвинул к себе именной блокнот председателя ЦИКа и быстро написал:

«Милые ленчата!

К сожалению, на сбор отряда явиться не могу. Очень занят. Согласен быть избранным заочно почётным пионером 4 звена 116 отряда Замоскворецкого района г. Москвы.

С комприветом

М. КАЛИНИН».

Михаил Иванович тепло простился с девочками и на прощание подарил им по красному карандашу. Он вынул их из стаканчика большого председательского стола. Девочки вышли из приёмной на Моховую улицу (теперь проспект Маркса) и пошли к Охотному ряду, где в несуществующей давно гостинице-общежитии «Лоскутная» жила Муха.

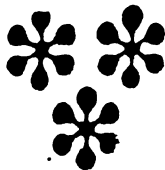
— Какой душевный человек! — воскликнула обычно молчаливая Мышка. — Почему статью о нём в журнале «Пионер» называли «Железный дедка»?

— Твой отец сколько часов в день работает? — в свою очередь спросила Муха.

— Восемь, как все рабочие в СССР.

— А Калинин работает по шестнадцать часов в сутки. Он стоит на страже интересов рабочих и крестьян против мировой буржуазии, нэпманов, кулаков, спекулянтов и жуликов. Поэтому он и называется «Железный дедка», — сказала целую речь Муха. Он первый в Совете и первый в ответе.

— Всё-таки лучше звать его пионерский дедка. Он ведь всем пионерам дедушка, — заявила тихая Мышка, и шумная Муха с ней согласилась.

БЕЗОБИДНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Был погожий августовский день. Столбик термометра поднялся до 32 градусов. В городе стало нестерпимо жарко. От каменных стен несло жаром, как из русской печки. Спасаясь от зноя, мы с моим другом капитаном Иваном Васильевичем отправились на Океанскую, на пляж, купаться. На протяжении трёх-четырёх километров весь морской берег был усеян отдыхающими. С трудом мы нашли свободное местечко. Немного вздремнув под краешком тента, я вдруг услышал истошный крик со стороны моря: «Акула, акула!!»

Пляж загудел, как встревоженный улей. Все повскакали со своих мест и бросились к воде, а купальщики стремглав выскочили из моря, стали в ужасе разбегаться.

Примерно в двухстах метрах от берега, напоминая формой своего удлинённого туловища торпеду, медленно плыла желтовато-коричневая акула.

— Встреча с таким хищником, занимающимся разбоем с древних времён (а некоторые виды акул существуют свыше ста пятидесяти миллионов лет) не сулит ничего хорошего пловцу, — сказал я вслух.

— В данном случае вы ошибаетесь, — прервал меня Иван Васильевич. — Действительно, известно немало случаев, когда на человека нападали акулы: тигровая, белая, голубая. Зоологи насчитывают двести пятьдесят видов акул, из них свыше пятидесяти опасны для человека. Но вот эта акула, называется нянькой, — совершенно безобидное животное. Мне не раз приходилось наблюдать, как стаи этих акул-нянек по тридцать-сорок штук часами нежатся на солнышке на мелководье. Насколько безобидна ковровая акула, как иначе называют акулу-няньку, смотрите сами.

И с этими словами Иван Васильевич вошёл в воду и поплыл к акуле. Подплыв к ней, он схватил её за хвост и даже пытался усестись на спине. Акула никак не реагировала

на дерзкого пловца и продолжала спокойно плыть своим курсом.

— Ну вот, теперь вы убедились в моей правоте, — сказал Иван Васильевич, вылезая на берег и отряхиваясь.

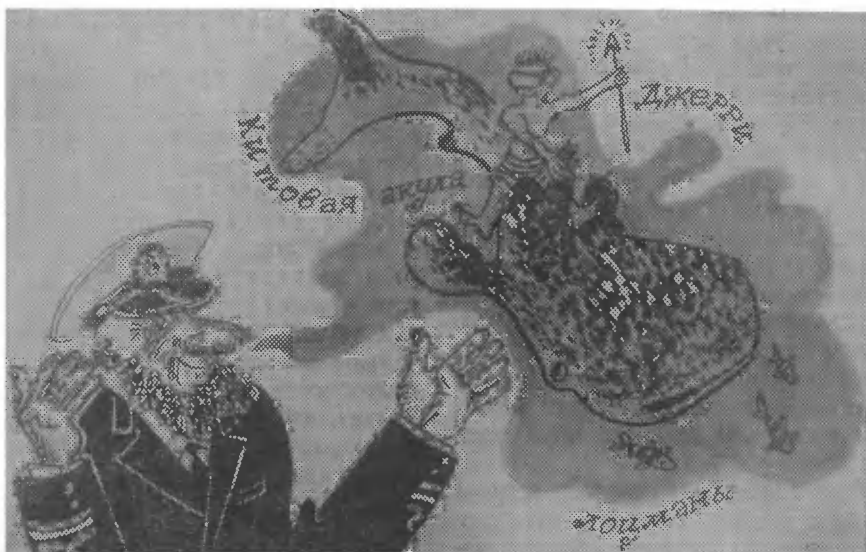
Со всех сторон к нам бежали мужчины, женщины, дети. Они окружили нас плотным кольцом и забросали капитана вопросами. Одни восхищались его мужеством, другие удивлялись его отваге, третьи восторгались его смелостью. И все наперебой спрашивали об акуле.

из стороны в сторону, словно маятник гигантских часов.

Глядя на её чуть приоткрытую пасть, расположенную не как у других акул — на брюшной стороне, несколько ниже носа, а в самой передней части головы, я вспомнил, что однажды видел это чудовище.

— Где же вы с ней встретились, Иван Васильевич? — спросил я.

— В Лондонском естественно-историческом музее. Там есть чучело китовой акулы, самой большой из всех живущих в океане рыб. Неко-

Долго бы, наверное, ещё продолжалось это «интервью», если бы я не взял решительно Ивана Васильевича под руку и не увёл с пляжа.

В электричке по дороге во Владивосток капитан под свежим впечатлением встречи с акулой рассказал мне ещё одну удивительную историю про этих морских животных.

— Мы шли из Канады с грузом кукурузы в Находку. В Японском море повстречали громадную акулу. Длина её огромного туловища, покрытого сотнями белых точек, была не менее двенадцати—четырнадцати метров. Она почти не двигалась. Лишь большой, похожий на полумесяц, плавник слегка покачивался

торые экземпляры достигают двадцати метров длины и весят двенадцать—четырнадцать тонн. Подобно китам они питаются планктоном, который пропускают через свои бахромчатые жабры.

Китовая акула водится во всех океанах, но особенно часто встречается в Тихом — у берегов Южной Калифорнии, Филиппин, Гавайских островов.

Долгое время о ней почти ничего не было известно учёным, лишь моряки, видевшие её не раз в тропических морях, рассказывали о ней всевозможные истории, нередко обильно украшая их выдумкой.

Зоологи познакомились с китовой

акулой впервые в 1828 году, когда небольшую акулу этого вида, длиной четыре с половиной метра, загарпунили у берегов Южной Африки. Позднее было выловлено более сотни этих огромных рыб. И в течение прошлого столетия китовые акулы были детально изучены. Как и акулы-няньки, эти животные совершенно безопасны для человека.

Когда китовая акула заметила наше судно,—продолжал свой рассказ Иван Васильевич,—она стала медленно к нам приближаться. Перед её полуоткрытой пастью резвилось с десятков маленьких рыбок-лоцманов. Они то выплывали из черноты зева акулы, то снова скрывались там. Рыбы-лоцманы живут в пасти акулы, очищая её от паразитов. За это морские великаны позволяют им питаться остатками пищи и защищают их от хищных рыб.

Акула подошла вплотную к борту судна, нырнула под киль и стала о него тереться. Спустя десять—пятнадцать минут сигарообразное тело акулы пришло в движение. Оно медленно накренилось и поплыло наискось вниз, в пучину океана. словно невидимые часы подсказали акуле, что время её истекло, пора прощаться.

Ещё более удивительная встреча была с китовой акулой у известного немецкого учёного, исследователя морских глубин Гаисы Хассы. Вот что он пишет об этой встрече:

«Это случилось в начале моей второй экспедиции в Красное море, рано утром 7 мая 1950 года. То, что я увидел, было столь необыкновенным, что я застыл на месте: там, впереди, плыла акула длиной в добрых восемь метров! Несмотря на огромную величину, животное выглядело добродушно. Великан висел под поверхностью воды, словно покрытая маргаритками клумба.

Между тем китовая акула уже заметила меня и смотрела на меня маленькими глазами. Казалось, моё приближение её не беспокоило.

Я крикнул Джерри, что акула совершенно не опасна, но пусть он всё равно плывёт ко мне. Я был уже менее чем в двух метрах от

неё. Это поразительно, но животное ни в коей мере не было обеспокоено моим присутствием. Я поплыл рядом и прикоснулся к его коже. Она была шероховатой, как наждачная бумага средней зернистости.

Акула медленно скользнула мимо меня, и большой хвостовой плавник оказался совсем рядом. Тут мною овладел задор, и я схватился за плавник обеими руками. Спокойная уверенная сила немедленно потащила меня сначала на три метра вправо, затем на три метра влево, так мой путь изображал большую волнистую линию. Движения акулы становились всё более нервными и быстрыми.

Я отпустил плавник. Значит, я всё же испугал добродушного колосса! Но его движения сразу же снова стали медленными. Акула плыла спокойно, как и прежде...

Акула между тем приближалась к нашей лодке. На спине, словно на кушетке, сидел Джерри. Кроме того, я видел несколько ржаво-красных полос, которых у животного раньше определённо не было. Они приходились наискось по его боку. Увидев, что я приближаюсь, Джерри соскользнул с акулы и торжествующе помахал гарпуном.

Остриё железного наконечника, ещё недавно покрытое ржавчиной, блестело как зеркало! Джерри отшлифовал его о кожу акулы. Ржаво-красные полосы были ещё одним свидетельством удивительного терпения животного.

Тогда мы вдвоём влезли на спину акуле. Держась за жёсткий, будто из дублёной кожи, спинной плавник, мы ехали верхом. Всё, что я пережил за четырнадцать лет подводных приключений, блекло перед невероятной действительностью.

В старинной гавайской сказке рассказывается о двух потерпевших кораблекрушение, которые ухватились ночью за спинной плавник большой акулы и были доставлены ею за несколько часов к какому-то острову. После того что мы испытали сами, это показалось вполне возможным».

НОЧНОЙ РАЗБОЙНИК

Вечером мы пошли в ресторан «Океан», который славится по всему Дальнему Востоку разнообразием вкусных рыбных блюд. Рагу из осьминога, жареный кальмар, маринованный трепанг. А рыб всех и не перечислить: угольная, капитан, прастипома, рыба-меч.

— Что будем заказывать? — спросил меня Иван Васильевич, ознакомившись с меню.

— Я возьму меч-рыбу, — сказал я.

— А мне больше нравятся миноги, — заметил Иван Васильевич. — Вы знаете, ведь многие не любят миног, недооценивают их высокие вкусовые качества. Глядя на её червеобразное тело, покрытое к тому же слизью, многие испытывают к ней отвращение. Между тем у миноги нет костей и чешуи, мясо вкусное и очень жирное. В прошлом столетии в Нижнем Поволжье нередко в деревнях сушёную миногу зажигали вместо свечи и лучины. И, представьте себе, она прекрасно выполняла роль светильника, освещая слабым светом убогие крестьянские избы.

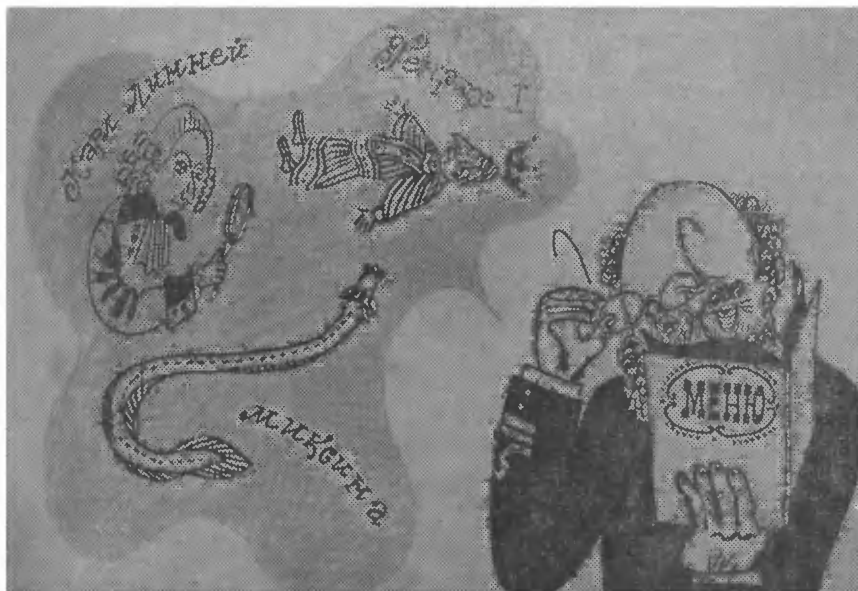
В Англии сохранилось предание, что король Генрих Первый, любивший лакомиться миногами, однаж-

ды объелся ими и умер. Это было в начале XII века.

У миноги есть «родственница» — миксина. По форме тела она также похожа на большого червя. Это внешнее сходство ввело в заблуждение даже такого знаменитого натуралиста, как шведский учёный XVIII века Карл Линней, приписавшего миксину к классу червей.

Напоминая миногу формой тела, миксина, однако, отличается от своей «родственницы» некоторыми особенностями. У её рта нет губ, и он окружён двумя парами усиков. Такие же усики обрамляют непарное носовое отверстие. Во рту с каждой стороны языка находятся два ряда роговых зубов и один непарный зуб на нёбе. Носовое отверстие ведёт в обонятельный мешок, который соединён с полостью глотки. Такое устройство носоглотки позволяет миксине втягивать воду с растворённым в ней кислородом.

Чтобы закончить портрет этого ночного разбойника (миксина промышляет только ночью, днём зарывается в ил, выставляя наружу лишь часть головы), нужно ещё добавить, что недоразвитые малюсенькие глазки спрятаны под светлыми участками кожи на голове.

Самое удивительное у этих червеобразных хищниц — кровеносная система. У них четыре сердца — одно главное, жаберное, которое прогоняет кровь через жабры, и ещё три сердца, обеспечивающих циркуляцию венозной крови. Эти дополнительные сердца расположены в области головы, печени, хвоста. И что самое интересное, — они живут независимо друг от друга*.

И ещё одна особенность. Миксина выделяет огромное количество слизи. Если её посадить в ведро с водой, то через пятнадцать—двадцать минут она всю воду превратит в слизь.

Природа наделяет животных такими качествами, которые нужны им для жизни — для защиты от врагов, для добывания пищи, для воспроизведения потомства. Обильное выделение слизи помогает миксинам очищать воду, когда они зарываются в иле и её взмучивают (слизь осаждает частички ила). Слизь облегчает этим ночным разбойникам внедрение в полость своих жертв. Чаще всего миксины нападают на больных и мёртвых рыб, играя тем самым роль санитаров моря.

Когда миксина проголодается, она медленно плывёт под поверхностью воды, несколько приподняв свою змеиную голову и поворачивая её из стороны в сторону. Раздвинув свои усики-щупальца и расширив ноздри, она всё время нюхает воздух, как собака. Почуввав добычу, она стремительно плывёт к ней и набрасывается на неё. Если рыба ещё достаточно сильна или оказывает сопротивление, миксина проникает к ней под жабры и напускает на них слизь. Покрытые слизью жабры уже не могут снабжать рыбу кислородом, и она быстро погибает от удушья. Этого только хищнице и надо. Теперь она

прогрызает дыру в теле своей жертвы. Отрывая куски кожи и мяса у крупной рыбы, миксина завязывает своё тело узлом и прижимает его к телу жертвы для упора. Проникнув внутрь рыбы, она сначала поедает внутренности — печень, почки, сердце, а затем съедает все мышцы. Остаются только кожа да кости.

Я много встречал миксин, — рассказывает Иван Васильевич, — у берегов Японии. Они были размером сорок—шестьдесят сантиметров, розовые или красноватые, изредка попадались и серого цвета. Обитают они не только в Тихом океане и дальневосточных морях. Различные их виды встречаются в северной части Атлантики, у берегов Америки, в южной части Атлантики, у берегов Африки. Водятся они и в европейских водах. Любопытно, что они очень чувствительны к солёности воды. Миксины могут жить только в тех морях и океанах, где содержание солей выше двух с половиной процентов, если оно ниже, они погибают.

Да, забыл ещё сказать, что они встречаются обычно в районах горизонтальных течений. Видимо, в неподвижных водах им трудно разбойничать. Ведь миксины отыскивают свои жертвы с помощью своих органов обоняния. Когда токи воды разносят запахи на далёкое расстояние, они могут легко учуять свою добычу.

ЖИВАЯ ТОРПЕДА

Официант принёс заказанную нами рыбу и поставил тарелки на стол. Ну вот, теперь я, как Шехеразада, могу прекратить дозволенные речи и взяться за мои любимые миноги, — сказал улыбаясь Иван Васильевич, повязал салфетку и приступил к трапезе. — А вы расправляйтесь с вашей рыбой-меч.

Да, кстати, — вдруг снова оживился капитан, — знаете ли вы, для чего меч-рыбе меч?

— Признаться, нет, — сказал я, медленно разжёвывая кусок хорошо прожаренной «рыбки».

— Должен вам заметить, что мореплаватели с древних времён ин-

* В природе всё устроено разумно. У миксины кровь в некоторых частях тела проходит через большие полости — синусы, перед поступлением в вены давление крови сильно падает, его выравнивают дополнительные сердца.

тересовались, зачем этим рыбам вытянутое в виде копья рыло. В старых, да и в современных книгах встречаются рисунки, на которых меч-рыба изображена в момент нападения на акул, тунцов, даже на кита. Имеются сведения о нападении меч-рыбы на лодки и на корабли ещё в древние времена. Я сам был однажды свидетелем подобной атаки в Тихом океане. Параллельным курсом с нашим «Северодвинском» шёл американский танкер. Вдруг откуда ни возьмись на него ринулась, словно живая торпеда, громадная меч-рыба. Двигаясь с огромной скоростью — уж не менее ста километров в час — она своим носом пробила его стальную обшивку. В пробоину хлынула вода. На танкере подняли тревогу. Выдернув меч, громадина, она была длиной около семи метров, в бешенстве снова кинулась на корабль и пробила его в другом месте. Но это уже стоило ей меча, он обломался. Разгневанные моряки вскоре поймали «агрессора», заарканили его тросом и вытащили на палубу. Рыба весила шестьсот шестьдесят килограммов.

Кроме того, я видел в Лондоне, в одном из музеев, кусок медной

обшивки старого парусника с застрявшим в ней мечом этой рыбы.

Учёные-ихтиологи, однако, считают, что копьевидное рыло служит меч-рыбе для других целей: оно повышает гидродинамические свойства её тела и помогает ей быстрее плавать. Исследования последних лет показывают, что эта рыба — быстрейший пловец океана — не может свернуть в сторону или остановиться на быстром ходу, если перед ней неожиданно возникает какое-то препятствие. Вот этим-то учёные теперь и объясняют случаи таранения судов меч-рыбой.

Видимо, истинное назначение меча — помогать рыбе ловить свою добычу. И в этом я убедился, когда служил на тунцеловской базе. Както весной судно лежало в дрейфе. Я стоял ночью на вахте. Мощный прожектор, направленный вниз, привлёк к судну много разной рыбы. В освещённом кругу собралось несколько десятков кальмаров, летучих рыб. Вдруг я услышал всплеск воды. Перегнувшись за борт, я увидел выскочившую из темноты небольшую меч-рыбу, длиной не более полутора метров, которая напала на большую летучую рыбу. Схватить её сразу меч-рыба не могла, но она

накрыла концом своего плоского меча хвост жертвы.

Летучая рыба стала делать резкие конвульсивные броски, пытаясь подняться на поверхность для залета. Однако, несмотря на отчаянные попытки, ей не удалось вырваться. Конец меча не отрывался от её хвоста, словно был приклеен. При поворотах меч-рыба выгибала своё тело под прямым углом, постепенно двигая свой меч вперёд. Не прошло и сорока секунд, как меч покрыл всю летучую рыбу и она исчезла в пасти хищника.

Ну так какова рыба-меч? — спросил Иван Васильевич, глядя на мою опустевшую тарелку.

— Вполне съедобная, и в голову не придёт, что она такой разбойник.

ПОЖИРАТЕЛИ КОРАЛЛОВ

Официант принёс сладкое. Мы расплатились и направились в гостиницу. Войдя в номер, мы услышали из репродуктора позывные Москвы. «Слушайте последние известия», — послышался голос диктора. Сначала передавали новости по родной стране, а потом перешли к сообщениям из-за границы.

«Австралийское правительство обеспокоено положением на Большом Барьерном рифе. Несметные полчища иглокожих морских звёзд за последние два года уничтожили девяносто процентов коралловых полипов в прибрежной зоне острова Гуам, длиной почти сорок километров, — читал диктор. — Теперь они захватили и Большой Барьерный риф у австралийского побережья и грозят истребить всех полипов, которые строили рифы на протяжении четырёхсот восьмидесяти километров. Резко усилилась активность этих хищников в коралловых районах Малайзии, Новой Гвинеи, Фиджи, Таити. В течение одного дня морская звезда может уничтожить кораллов на площади, в два раза большей, чем её собственное дискообразное тело.

Правительство приняло решение немедленно снарядить экспедицию

для борьбы с иглокожими хищниками под руководством Ричарда Чешера из Гуамского университета».

— Что вы скажете, Иван Васильевич, по поводу этого сообщения?

— Давно пора спасать Большой Барьерный риф. Я видел на острове Гуам, как сотрудники доктора Ричарда Чешера охотились за этими лучеобразными гадинками. Они с аквалангами спускались под воду и, поймав звезду, делали шприцем смертельный укол — впрыскивали под кожу формалин.

Ещё пятнадцать—двадцать лет назад эти лучеобразные колючки редко встречались на коралловых рифах. Лишь одиночки нападали на полипов, да и то преимущественно ночью. Теперь же их расплодилось столько, что тихоокеанским кораллам от них житья не стало.

Уничтожая живые кораллы, морские звёзды создают серьёзную угрозу для жизни населения многих островов в Тихом океане. Если полипы погибнут, то рифы могут развалиться. Рано или поздно штормовые волны размоют береговую линию. Тогда жителям придётся покидать насиженные места или умирать с голоду. Не будет рифов, не будет и рыбы — основного продукта питания местных жителей.

Вот что мне рассказывал один из сотрудников экспедиции по уничтожению иглокожих разбойников, — продолжал Иван Васильевич: — «Погрузив на надувной моторный бот подводное снаряжение, мы поплыли к тому месту, где за несколько дней до этого похода воочию видели трапезу морских звёзд. Обнаружив большое стадо этих хищников, мы оделись в гидрокостюмы и спустились на океанское дно.

Их было очень много, и шли они стройным косяком длиной что-то около ста метров и шириной около десяти метров. Это зрелище напоминало парадный марш в сопровождении духового оркестра.

Раскрыв складной нож, я опрокинул на спину довольно внушительный экземпляр. С тыльной сто-

роны торчали трубчатые ножки, позволяющие звезде передвигаться в любом направлении. За день морская звезда может пройти до ста метров.

Пройдя несколько десятков метров по дну, мы увидели необыкновенное зрелище. Здесь дно было сплошь усеяно коралловыми «головами» различной формы и габаритов. На них «обедали» считанные морские звёзды. Остальные надёжно спрятались под кораллами, крепко вцепившись в них своими лучами и ножками.

Когда голодная морская звезда набрасывается на живой коралл, она выворачивает наружу свой желудок — мясистый пищевой мешок больше мужской ладони — и накрывает им коралловый полип. Пищевые соки вымывают хозяина из его жилища, и через час от полипа остаются только размякшие клочки. На том месте, где жили колонии крохотных цветастых животных, остаётся только белёсый скелет. За одну ночь звезда может уничтожить коралл, который рос пятьдесят лет».

— Может ли выжить коралловый риф после опустошительного нашествия

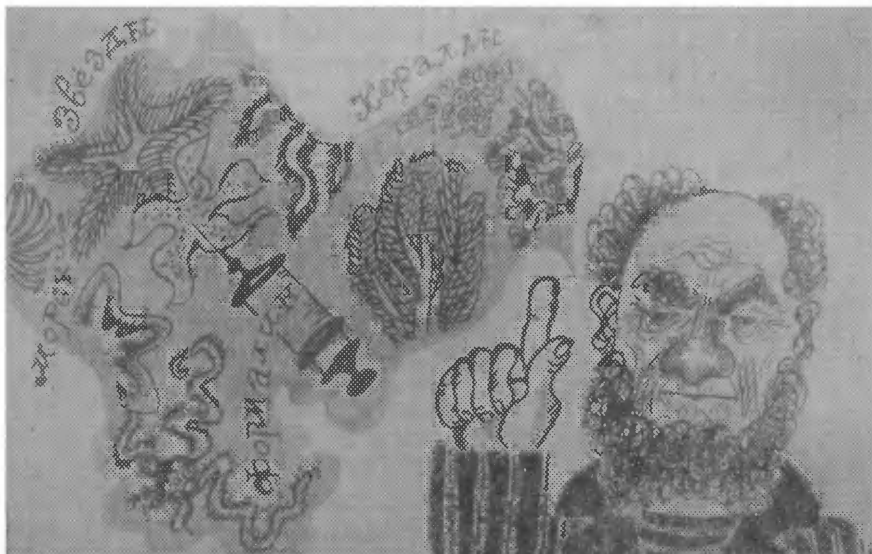
иглокожих разбойников? — спросил я Ивана Васильевича, когда он закончил свой рассказ.

— К сожалению, нет, — последовал ответ. — Восстановлению рифа мешают слизистые водоросли, которые за два-три дня обволакивают весь белый пористый скелет. После этого кораллы уже не растут.

Защитником кораллов от морских звёзд может стать не только формалин (один ныряльщик за четыре часа может уничтожить до семисот хищниц), но и сами обитатели морских глубин, в частности, гигантский тихоокеанский тритон. Выставив вперёд два своих щупальца, этот моллюск обшаривает дно в поисках морской звезды. Установив её местонахождение, он зажимает её между раковиной и ногой. Затем, разрывая на части, поедает и спустя несколько часов выплёвывает иголки.

Австралийские учёные рекомендуют разводить его на коралловых рифах.

Завтра сходим в краеведческий музей, и я вам покажу раковину тритона. А теперь пора спать.

ДИКОВИНОК НЕ СЧЕСТЬ

В музее было шумно и людно. Каждые 10—15 минут появлялись всё новые и новые партии экскурсантов. Особенно много было школьников и приезжих.

Осмотр начали с зала, где были собраны морские и океанские рыбы. Впервые в жизни я видел диковинных рыб, о существовании которых даже не подозревал и названий которых никогда не слышал.

— Вот рыба-парусник, — говорит экскурсовод. — Очень красивая, с громадным, до полутора метров, спинным плавником тёмно-фиолетового цвета, за который и получила своё название. Сильно вытянутая верхняя челюсть напоминает шпагу или меч.

— Серёжка, — слышу я за спиной, — смотри, и впрямь как шпага, только не железная.

— Удары шпаги, — продолжает рассказывать экскурсовод, — покрытой ядовитой слизью, опасны для рыбачков. Ближайший родственник меч-рыбы, она отличается от неё

мечом меньшего размера. Хищник. Мясо вкусное. А вот ещё более удивительное животное — пила. Посмотрите, у этой десятиметровой громадины длинная пила с двадцатью пятью—тридцатью парами зубов. Она ведёт придонный образ жизни и своё грозное оружие использует лишь для раскапывания ила в поисках пищи. Питается она преимущественно растительными организмами. Несмотря на её сходство с акулой, зоологи относят её к семейству скатов. Она миролюбива, хотя о ней создано много легенд, в частности о её нападении на китов.

Бывали, однако, случаи, когда рыба-пила, войдя в косяк рыб, устраивала настоящее побоище, убивая и ранив их боковыми ударами пилы, а затем заглатывая обессиленную добычу. Мясу рыбы-пилы приписывали целебные свойства, хотя оно жёсткое и невкусное.

Посмотрите на эту рыбу. Самая безобразная на свете. Это удильщик — хищник, обитающий на глу-

бинах восемьсот и более метров. Скрывается среди камней, приманивает рыб медленными движениями первого луча спинного плавника, который напоминает череп. Обманутые видом пищи, рыбы попадают в громадную, усаженную острыми зубами пасть удильщика.

Было здесь много и других диковинных рыб: аулахон — рыба-свеча, иначе тихоокеанская корюшка, обитающая у наших берегов в Охотском море, около Сахалина, у Курильских островов; кандака — рыба с ноготок, обитающая в Тихом океане, у Филиппинских островов; рыба-брызгун. Эта небольшая рыбка, размером до 20 сантиметров, чаще всего встречается на мелководье в море и в океане у берегов Индии, Индонезии, Северной Австралии. Эта рыба ловит насекомых, которыми она питается, стреляя в них из своего «пневматического ружья». Во рту брызгуна, на небе, есть глубокая бороздка. Заметив насекомое, брызгун осторожно к нему подплывает, выбирает удобную позицию, нацеливается и стреляет — выпускает тонкую струйку воды, которая убивает его жертву наповал.

Чтобы произвести выстрел, рыбка

прижимает к бороздке язык, образуются тонкий ствол диаметром не более полумиллиметра. В момент выстрела сжимаются жаберные крышки и вода под сильным давлением выбрасывается, как из огнетушителя, через рот наружу. Кончик языка действует у брызгуна как клапан. Прижимая его слабее или сильнее, рыба может стрелять длинными или короткими очередями.

— Теперь переходите в следующий зал,— сказала экскурсовод.— Там вы увидите сотни разных съедобных и несъедобных моллюсков.

— Иван Васильевич, я не могу больше осматривать музей, ведь у меня через два часа самолёт.

— Когда вы отплываете, то есть вылетаете, в Москву?

— В двенадцать по московскому времени.

— Это значит в семь по владивостокскому, а сейчас уже четвёртый час. Пора, пора уходить. Вам ещё больше часа добираться до аэропорта.

Иван Васильевич проводил меня в аэропорт и пожелал «счастливого плавания». В самолёте я уснул, и мне всё время снились морские чудовища и диковинные рыбы.

КАК ЖЕРЕБЁНОК МИША ВЫШЕЛ ИЗ ГОРОДА

Жеребёнок Миша вышел из города. Побежал по полю и увидел холм.

«Интересно,— подумал жеребёнок Миша.— Что там, за холмом?» Обошёл холм и увидел перед собой холм.

«Интересно,— подумал он.— Что же там, за холмом?» Ещё раз обошёл холм и опять увидел перед собой — холм. Жеребёнок Миша крепко задумался.

«А, может быть, холм для того и стоит, чтобы оно было — что-то там, за холмом?»

И когда Миша домой шёл, то, оглядываясь, он видел холм. И оно было, что-то там, за холмом.

МОРКОВКА ДЛЯ ДРУГА

Жеребёнок Миша пощипывал траву совсем рядом с городом. Были видны дома городские, деревья городские, а также жители и автобусы. И вдруг жеребёнок набрёл на огород. На огороде стоял домик и возле

грядки сидел задумчивый пёс в раскладном кресле.

— Здравствуйте,— сказал жеребёнок Миша.

— Здравствуй,— ответил ему задумчивый пёс.

— Вы тут сторожите? — спросил жеребёнок Миша.

— Ничего подобного,— проворчал задумчивый пёс.— Я ставлю опыты.

Жеребёнок Миша посмотрел на пса пристальнее и очень смутился. Конечно, перед ним сидел учёный пёс Модест.

— Извините,— сказал жеребёнок Миша.

— Нечего извиняться. Угощайся. Вот мышинный горошек, он пахнет сыром. Вот кошачья капуста, она пахнет сливками. Вот конфетная трава. Вот морковка.

— Простая? — спросил жеребёнок Миша.

— Простая,— кивнул пёс Модест. Миша морковки отведал. Вкусная оказалась морковка.

— Вы её такой и оставьте, пожалуйста,— попросил он.

Пёс Модест оживился. Вскочил.

— Разбираешься. Молодец. А то все капризничают, просят морковку деликатесную — виноградную и крыжовенную. Эх, с друзьями всё хуже. Угощайся, будь другом.

— Буду,— сказал Миша. И ещё отведал морковки. Была она сочная, сладкая и ароматная. Именно такая, какой приятно угощаться у своего товарища.

КАК ЖЕРЕБЁНОК МИША КУПАЛСЯ

Однажды жеребёнок Миша сидел на балконе. Над его головой проплыли облака. Они торопились и теснили друг друга, как утреннее стадо в деревне. Одно облако, самое большое, отстало от всех — медленно плывёт. Потом и вовсе остановилось. Прямо возле Мишиного балкона.

— Как поживаешь, Миша? — спросило облако.

— Хорошо. Сейчас купаться пойду.

— Зачем ходить? Прыгай в меня и купайся, — сказала облако.

Миша в облако прыгнул, с головой окунулся. Вынырнул — сверху солнышко светит, с боков приятной прохладой обдаёт. Перебирает жеребёнок ногами, плавает.

— Хорошо тебе? — спрашивает облако.

Внизу ребяташки и взрослые стоят, шумят удивлённо:

— Смотрите, жеребёнок Миша купается в облаке.

— Хорошо ему!

Плавал жеребёнок, плавал, наконец облако говорит:

— Миша, снижаться будем. Ты меня всего ногами взбаламутил. Я по этой причине лететь не могу. Я сейчас на землю прольюсь дождём.

— И я прольюсь? — спросил жеребёнок Миша испуганно. — Я ушибусь очень. Может быть, разобьюсь даже.

— Ничего. Ты пока ногами не шевели, ты отдохни пока, — говорит ему облако. — Я осматрюсь, найду местечко поудобнее.

Опустилось облако ниже. Ещё ниже. И пролилось дождём в озеро.

Жеребёнок Миша и не заметил. Сверху солнышко светит. Вокруг вода прохладная, чистая. Заработал жеребёнок ногами — плавает. Спрашивает:

— Облако, где ты?

— Тут я, — отвечает облако. — Хорошо тебе?

На высоком берегу ребяташки стоят и взрослые. Шумят радостно:

— Смотрите, смотрите, жеребёнок Миша купается.

— Хорошо ему!

— Хорошо...

КАК ЖЕРЕБЁНОК МИША ЗАТОСКОВАЛ

Жеребёнка Мишу очень огорчало то обстоятельство, что у него фамилии нет. Миша — и всё. Была в этом деле какая-то тайна.

Однажды жеребёнок Миша подошёл к милиционеру товарищу Марусину и спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда у вас такая фамилия — Марусин?

Милиционер улыбнулся, фуражку поправил:

— Как откуда? У меня дочка Маруся. Значит, я чей?

— Марусин, — догадался жеребёнок Миша. — Марусин папа.

— Так точно. — Милиционер товарищ Марусин отдал жеребёнку честь и пошёл покупать новую куклу своей дочке Марусе.

Жеребёнок Миша затосковал. Был он один в городе Новгороде. Откуда ему фамилию взять? Но проезжавший мимо шофёр помахал ему из кабины рукой. Крикнул:

— Не горюй, жеребёнок Миша, у тебя ещё всё впереди.

КАК ЖЕРЕБЁНОК МИША ИСПЫТАЛ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Мише дали самокат — покататься. Встал Миша на самокат. Стоит — ждёт. Долго стоял. Прохожие спрашивают:

— Миша, чего же ты стоишь?

— А он почему-то не едет, — отвечает им Миша. — Самокат, а не катится.

— Он и не катится, — объясняют ему. — Нужно ногой отталкиваться, тогда покатится.

— Что же это за самокат, если нужно ногой отталкиваться? Это неправильно, — сказал Миша. — Это обман и разочарование.

Прохожие стали смеяться. А в небе летел самолёт.

— Вот самолёт, — сказал им Миша. — Это правильно. На нём ногой отталкиваться не нужно. Самолёт сам летит.

Жеребёнок Миша возвратил самокат. И вот что решил: «Лучше я без самоката побегаю».

В. НИКОЛАЕВ

ФЕЛЬЕТОН

КАК Я ДАЛ СЛОВО

(Честный рассказ одного моего знакомого)

Сразу я должен сказать, что я человек честный. Уж если дам слово — выполняю во что бы то ни стало. Никаких сил не пожалею. Любыми средствами, а также способами.

А то ведь как иногда получается... Известно вам, к примеру, изречение: «Дал слово — держи!»? Ну, так вот... Некоторые хитрые люди читают его по-своему: я, мол, тебе слово дал, ты его и держи. Ты держи, а я пока побегаю. Мне, мол, теперь, без этого слова, легче прыгать по земле.

Нет, я не такой. Если я дал кому-то слово, я его сам держу. И требую к себе такого же отношения. Опять же поясню примером из собственной личной жизни.

Нужен был мне велосипед. Просто до зарезу нужен! В связи с тем, что у Славы Бурдыкина есть, а у меня нету. Ему уже купили, а мне еще нет. Вопиющая несправедливость получается. И никакого равноправия.

— Ладно, — сказал папа. — Будет у тебя велосипед. Принесёшь в ближайшие десять пятёрок по математике — и идём в «Спорттовары».

Видите, какие условия? Почти совершенно невозможные. Но я дал

слово, что десять пятёрок будут. А если я дал слово, значит — полный порядок! Выполню во что бы то ни стало. Любыми средствами, а также способами.

Конечно, десять пятёрок по математике — задачка не из простых. Сами понимаете. Но наш учитель Виктор Николаевич говорит, что неразрешимых задач не бывает. А я дал слово... Так вот... Сижусь я, значит, на уроке математики и ищу средства решения этой задачи. Потом сижу на уроке истории и изобретаю разные способы. Для решения той же задачи.

Потом сижу на уроке пения... И тут ко мне приходит гениальная идея! Такая гениальная, что даже зашел от радости! Десять пятёрок? Ерунда! Раз, два — и готово. Правильно кто-то заметил, что всё гениальное — просто. Совершенно просто! Выражаясь языком фольклора: проща пареной репы.

Обдумывая идею о десяти пятёрках, анализируя всевозможные способы, я обратил внимание на своего соседа Серёгу Тетёркина. И обнаружил, что у нас с ним много общего:

ни у меня, ни у Серёги велосипеда нет. Различие же наше заключалось в том, что по математике Серёга круглый отличник, а я совсем наоборот...

В перемену я ему и говорю:

— Хочешь на велосипеде показаться?

— Хочу, — говорит Серёга. — А где велосипед?

— Будет, — говорю.

И тут же объясняю условия. Серёга даёт мне списывать все задачи в течение четверти. Делает за меня домашние задания. Решает примеры на контрольных. Подсказывает во время устных опросов. Тем самым мы дружно, вместе зарабатываем велосипед. После этого Серёга получает право кататься на велосипеде. Сколько угодно! По очереди. Круг — я, круг — он.

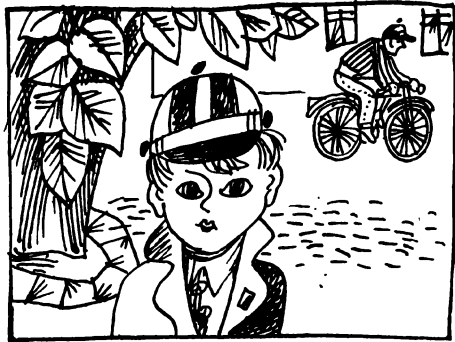
Серёга задумался. Провёл пятёрней по причёске и включил под нею своё решающее устройство. Сначала решающее Серёгино устройство никак не могло решиться и потребовало гарантий.

— А не обманешь? — спросил Серёга.

Я дал слово. А если я дал слово!.. Тем более, что я дал уже два слова: одно — папе (на счёт десяти пятёрок), другое — Серёге (на счёт велосипеда). Решающее Серёгино устройство решило предложение принять. Вопрос можно было считать решённым. Оставалось только решить кучу чисто математических задач, а также примеров.

Первую пятёрку я получил за домашнее задание. Нам в тот раз Виктор Николаевич дал каждому по персональной задаче. Из какого-то своего учебника для учителей. Серёга решил свою и мою. Потом он умудрился на контрольной решить сразу два варианта: свой и мой. Потом, когда Славка Бурдыкин запутался у доски с решением, Серёга написал это решение на бумажке, я поднял руку — и третья пятёрка пулей влетела ко мне в дневник.

Остальные пятёрки получались аналогичным способом. Правда, не подряд. Когда Серёга схватил анги-

ну, я схватил двойку. Но на счёт двоек у нас с папой никакого уговору не было. К концу четверти у меня было даже одиннадцать пятёрок.

И мы пошли в «Спорттовары». Потому, что у папы слово тоже крепкое. Я честно принёс домой десять пятёрок. Он честно купил мне велосипед. Также честно я привёл его за руль к Серёге и сказал:

— Садись!

Серёга сел и поехал. С нашего двора во второй, потом в третий, потом снова во второй — и прямо ко мне.

— Твоя очередь, — говорит.

Но я не поехал. Вернее попробовал — и не поехал. Только коленку разбил.

— Ты что, не умеешь кататься? — удивился Серёга.

— Ага, — сказал я. — Поезжай в мою очередь.

Серёга сел и поехал. Что мне оставалось делать? Я же слово дал! А если я дал слово!.. Серёга даже кататься устал. С непривычки. А я разбил второе колено.

— Научи, — попросил я Серёгу.

И что вы думаете? Этот тип заявил, что такого уговору не было. И снова уехал. На моём велосипеде. Потом вернулся и говорит:

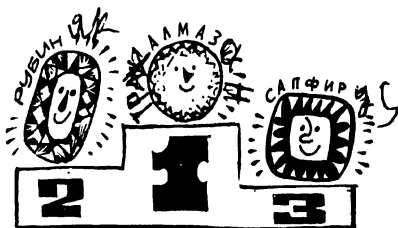
— Ладно. Научу. Как только сам первую пятёрку по математике получишь — сразу научу. — И даже дал слово.

Н-да... Можно, конечно, попробовать... Только с этими словами осторожно надо... Не вышло бы какого подвоха... Может быть, он тоже что-нибудь изобрёл... Вроде меня...

РЕКОРДЫ ГЕОЛОГИИ

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

САМЫМИ ценными в ювелирном отношении из драгоценных камней считаются алмазы, на втором месте — рубины, на третьем — сапфиры.

САМЫЙ крупный алмаз, добытый в нашей стране, имел вес 232 карата (один карат равен 0,2 грамма). Он был обнаружен в Якутии и назван «50 лет Аэрофлоту» в честь заслуг советских авиаторов в освоении богатств сурового края.

САМЫЙ первый изумрудный прииск в России был открыт на Урале и вступил в строй в 1831 году. Первооткрывателем изумруда был крестьянин М. Кожевников. Он нашёл драгоценный камень в корнях вывороченного ветром дерева.

САМЫЕ древние промыслы жемчуга расположены на островах Бахрейн в Персидском заливе. Отсюда жемчуг доставлялся в Европу и на другие континенты западного полушария.

САМЫЕ первые упоминания о русских алмазах содержатся в старинных рукописях XVI—XVII веков. В этих документах рассказывается о находках алмазов в нижнем течении Днепра.

САМЫЙ крупный в мире рубин имеет вес 500 каратов. Этот драгоценный камень принадлежит шахской семье Ирана.

САМАЯ крупная из ценных жемчужин носит название «Жемчужина Надежды». Хранится эта каплевидная жемчужина в Лондоне и весит 122,7 грамма.

САМЫЕ богатые месторождения янтаря находятся в советской Прибалтике. Здесь, в посёлке Янтарном Калининградской области, добывается почти 90 процентов всего янтаря, извлекаемого из недр Земли.

САМЫЙ большой кусок янтаря был найден в 1860 году. Он имел вес 9 килограммов 700 граммов.

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

НОВЫЙ ЗАПОВЕДНИК

На сотни километров простирается пустыня Гоби. Здесь, среди песков и выжженных солнцем степей, водятся редкие животные, которые в других районах земного шара почти не встречаются. Это — тахь (лошадь Пржевальского), кулан (дикий осёл), снежный барс, маюзай (гобийский медведь), дикий верблюд. Можно увидеть в Гоби и тысячные стада дзеренов (степных антилоп).

ЧУДО-ОЗЕРО

На острове Кильдин в Баренцевом море есть озеро Могильное. Это единственный в мире водоём, в котором одновременно обитают морские и речные рыбы. В древности озеро было заливом. Постепенно связь с морем прекратилась, но полного опреснения не произошло из-за постоянного водообмена через галечно-песчаный грунт. Озёрная вода чётко разделена на пять, слоёв, в которых и живут присущие каждому слою представители морской или пресноводной флоры и фауны.

Правительство Монгольской Народной Республики, на территории которой расположена центральная Гоби, в целях сохранения редчайших животных и увеличения их численности решило организовать заповедник. Его территория охватит почти четыре миллиона гектаров. Это будет один из самых больших заповедников на азиатском континенте.

ВОКРУГ СВЕТА НА... ЛОШАДЯХ

Англичане Джек Байлэй и Паул Грэйс отправились в кругосветное путешествие на... лошадях. Их маршрут пройдёт через Францию, Бельгию, ФРГ, Чехословакию, Польшу, СССР, Канаду и США. Каждый месяц они рассчитывают проезжать по 800 километров и через три года, преодолев 25 тысяч километров, возвратиться в Англию.

ОКЕАНСКИЕ КЛАДОВЫЕ

Гигантские площадки тихоокеанского дна усыпаны булыжниками. Это — марганцевые конкреции — сырьё будущего. Каждый такой булыжник содержит до десяти видов ценнейшего промышленного сырья.

Специалисты подсчитали, что уже разведанные запасы марганцевых конкреций составляют 1500 миллиардов тонн. При переработке даже 15 миллионов тонн конкреции будут обеспечены 18 процентов мировой потребности в марганце, 50 процентов — в кобальте и более одного процента — в меди.

По мнению учёных, содержащихся в конкрециях металлов хватит человечеству на многие тысячелетия.

...в индийском городе Джорхат (штат Ассам) освоено производство быстрорастворимого чая! Порошковый чай, технология которого разработана учёными Калькутского университета, легко растворяется не только в горячей, но и в холодной воде. По вкусу он ничем не отличается от обычного чая.

...в зоопарке французского города Дуэ-ла-Фонтен впервые в Европе, в условиях неволи родился питон! Питоны этой породы, обитающие в Малайзии, являются самыми крупными. Они достигают в длину 10 метров и весят до 100 килограммов. Питонам в зоопарке Дуэ-ла-Фонтен понадобилось 5 лет акклиматизации, прежде чем у них появилось долгожданное потомство.

...в списке многочисленных музеев столицы нашей Родины появился ещё один — музей такси! Единственный в своём роде, он разместился под открытым небом в 19-м таксопарке. На бетонированной дорожке представлены все отечественные таксомототы: первая серийная машина «ГАЗ-А», «Эмка», «ГАЗ-12», «Победа», «ЗИС-110». Рядом с «ветеранами» можно увидеть и такси будущего: модели, разработанные сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики.

...в «домашнем музее» коллекционера Дженнаро Анджолетти (Италия) собрано более полутора миллионов иллюстрированных открыток! В громадных альбомах, которые заполнили всю квартиру 70-летнего итальянца, хранятся богатейшие наборы, посвящённые народным праздникам и костюмам, спорту, истории карикатуры. В них есть открытки с видами почти всех городов мира, с изображением памятников, исторических и литературных персонажей, политических деятелей. Все открытки тщательно пронумерованы и рассортированы по темам и странам.

...в Венгрии, в Институте энергетического хозяйства, разработан проект получения электроэнергии из... мусора! Учёные считают, что при сжигании 2500 тонн мусора в сутки будет получено столько пара, что его хватит на выработку 25 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Отработанный же пар предполагается использовать для отопления квартир.

...мороженое появилось в конце XVII века благодаря стараниям флорентийца Пракопия Культиелли! Сейчас им лакомятся почти во всех странах. В нашем городе съедают мороженого до 30 тонн в день зимой и в два раза больше — летом. Отправляется ленинградское мороженое и в другие города нашей страны, а также за границу.

...голубиная почта не забыта и в наши дни! За последние три года почтовые голуби индийской полиции доставили около 40 тысяч посланий в отдалённые селения. Даже во время всеобщих выборов в стране птицам была доверена доставка результатов голосования из труднодоступных районов в столицу.

...сотрудники орнитологического заповедника Бадайтугай [Кара-Калпакская АССР] проводят ежегодную перепись фазанов! Хивинский фазан — птица редкая. Недавно она была на грани исчезновения. Для её сохранения в тугайных лесах, протянувшихся вдоль Аму-Дарьи, и был создан заповедник. Количество фазанов стало быстро увеличиваться. По данным проведённой переписи, их теперь насчитывается в заповеднике свыше четырёх тысяч.

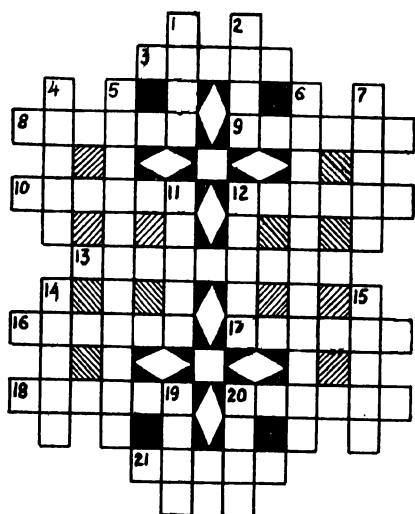
...рыболову — любителю близ побережья американского штата Флорида почастливилось на спиннинг поймать... акулу! Длина рыбы — более 4 метров, вес — 262 килограмма. Акулы — редкая добыча для рыболовов, и ловля их — дело нелёгкое и опасное. Счастливый обладатель огромного улова доволен удачно закончившейся рыбалкой.

...гигантский торт приготовили болгарские кулинары братя Асеном! Его высота более 3 метров и вес 763 килограмма. На его изготовление ушло 2500 яиц, 275 килограммов сахара, центнер муки, 600 плиток шоколада.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Акентьев

По горизонтали. 3. Персонаж произведений Жоржа Сименона. 8. Женское имя. 9. Каменноугольный период. 10. Режущий инструмент для обработки отверстий. 12. Парнокопытное животное семейства оленей. 13. Специалист-зоолог, изучающий птиц. 16. Птица отряда воробьиных. 17. Русский шахматист, чемпион мира. 18. Закрытый рессорный экипаж. 20. Часть жилого дома, состоящая из повторяющейся по этажам группы в 2—3 и более квартир. 21. Письменное приветствие, обращённое к лицу, учреждению, организации.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

При перемножении двух трёхзначных чисел часть цифр была случайно стёрта. Сможете ли вы восстановить, какие числа перемножались?

$$\begin{array}{r}
 \times : : : \\
 \hline
 . . . 4 \\
 . 5 . \\
 . . 9 . \\
 \hline
 1 . . 5 . .
 \end{array}$$

По вертикали. 1. Денежное выражение стоимости товаров. 2. Ловкая проделка, затея, неожиданный поступок. 4. Слухи, вести, толки в обществе о чём-нибудь. 5. Мелкие формы рельефа местности с колебаниями высот, измеряемыми несколькими метрами. 6. Пресноводная рыба. 7. Рыба семейства карповых. 11. Продукт обработки растительных масел, применяется в производстве масляных красок, грунтовок. 12. Доля участия в производстве и сбыте, устанавливаемая в картелях для входящих в них предприятий. 14. Большая, глубокая, удлинённая рытвина. 15. Минерал. 19. Горная система, окаймляющая с севера и с запада весь материк Южной Америки. 20. Электромагнитное излучение, возникающее при всяком изменении электромагнитного поля во времени.

РЕБУС-МАЛЫШ

Хотя этот ребус и состоит всего из одного слова, да и с виду не очень сложен, но поломать голову над ним придётся.

Проверь себя!

[Ответы к «Искорке» № 10]

ЛАБИРИНТ

1. Смотри рисунок в «Искорке» № 10.

2. Наиболее простым способом будет, положив правую или левую руку (безразлично) на стену коридора, следовать всем её изгибам и поворотам, не отрывая руки.

4. Этот метод неприменим для изолированных участков лабиринта. Например, в коридоре, обозначенном буквой «А».

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Третьи от начала слов буквы расположены в алфавитном порядке.

Краска, забор, заводь, награда, кадр, превосходство, наживка, казино, олифа.

СОСТАВЬТЕ САМИ

Землю солнце красит, а человека труд.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Уважение

ПОДБЕРИТЕ СЛОГИ

Кепи, пике, кета, табу, буфер, ферма, маки, кивер, верста, стадо, довод, водник.

ДОМИНО

5—1 0—1 4—5 4—1.

Содержание

Три пули. Баллада Вольта Сусл	1
Одна из первых. Статья Н. Садо	3
Шифр «7». Рассказ А. Зверин	5
Чуть-чуть — считается. Окончание	
повести К. Курбатова	15
Опавший лист. Стихотворение Евге	
ния Шендрика	32
Секретный груз. Рассказ Бориса Ра	
евского	33
Привет тебе, синица! Стихотворение	
Михаила Яснова	37
Бродяга. Рассказ Ф. Зубарева	38
Физическая география. Стихотворе	
ние Александра Фенёва	41
В приёмной Калинина. Очерк	
Л. Подвойского	42
Чёрные паруса океана. Рассказ	
Б. Розена	46
Про жеребёнка Мишу. Сказки Ра	
дия Погодина	56
Как я дал слово. Фельетон В. Ни	
колаева	58
Самое, самое, самое...	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки: «Мы с Революцией». Рисунок П. Ви

скова.

На 2-й странице обложки: «Са

люют». Фото О. Миронца.

На 3-й странице обложки: «Са

мый сильный человек планеты

В. Алексеев в гостях у пионеров

62-й школы-интерната г. Ленингра

да». Фото В. Галактионова.

На 4-й странице обложки: «Да

вай подумай!» Рисунок А. Куру

пина.

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 2/X 1975 г. Подписано к печати 14/XI 1975 г. 4 п. л.
М-26443. Зак. № 356. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

УЗНАЙТЕ, ГЛЯДЯ НА

ПРИБЫТОК, КТО ИЗ ЭТИХ ЧЕТЫ

РИБЫТОК, КТО ИЗ ЭТИХ ЧЕТЫ

РЕХ, ПРЕБРАТКАКИМ